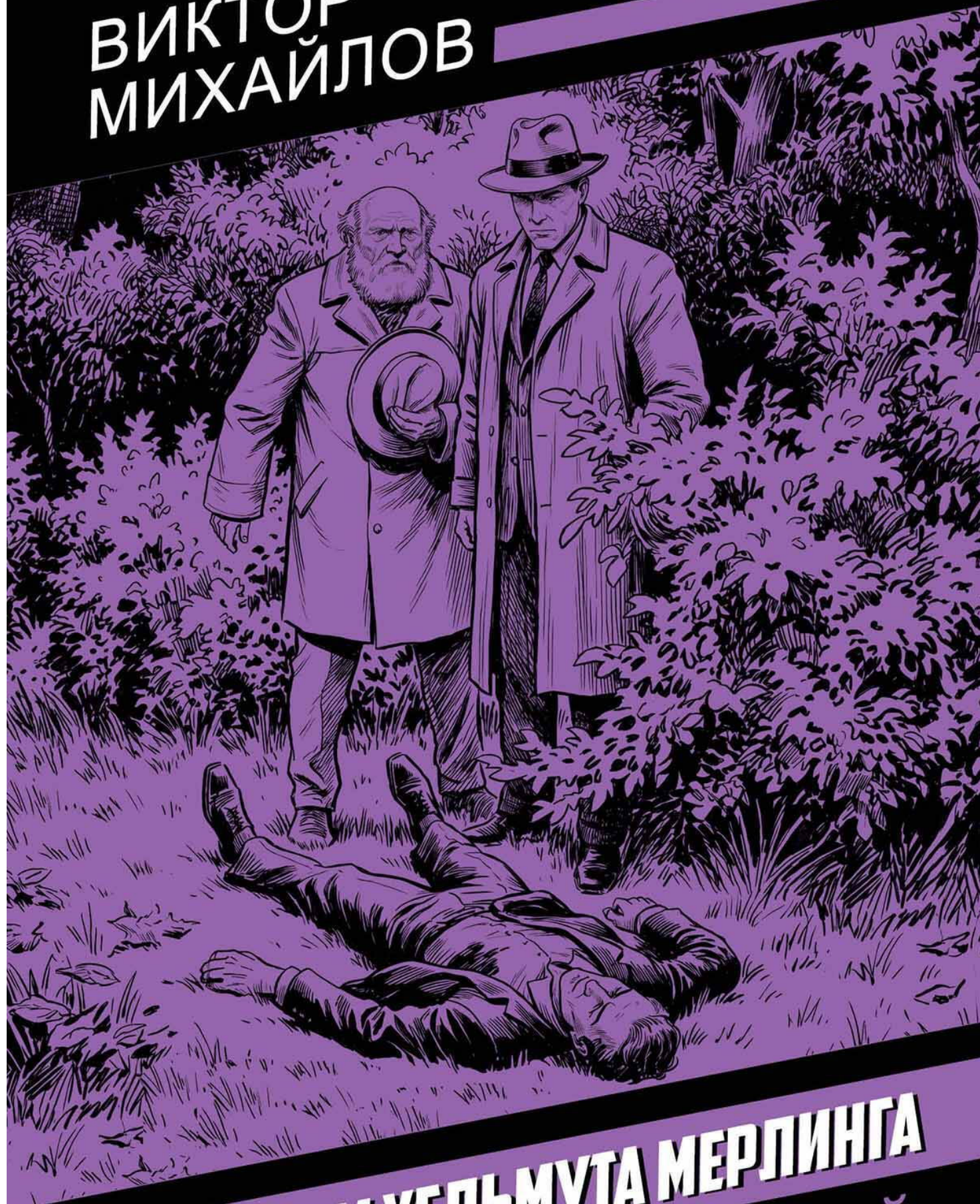

ВИКТОР
МИХАЙЛОВ

ПО СЛЕДАМ ХЕЛЬМУТА МЕРЛИНГА
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Виктор Михайлов

По следам Хельмута Мерлинга

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Михайлов В. С.

По следам Хельмута Мерлинга / В. С. Михайлов — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-367-2

Автор этой книги, Виктор Семёнович Михайлов (1898-1973), был одним из самых популярных в СССР и в мире советских писателей пятидесятых годов. Специализация Михайлова – военные приключения – определяла читательский интерес к его сочинениям. Эта дилогия – последнее произведение мэтра, его завещание. Легендарные повести о противостоянии разведок в годы Холодной войны обязательны к прочтению. Вы узнаете тайну слоника из яшмы, вместе с чекистами выйдете на след аса мирового шпионажа. Шпион изворотлив. Он меняет маски. За его спиной стоит могущество Запада. Сумеют ли чекисты остановить и разоблачить его? В этой книге рассказано об одной из самых головоломных операций советской контрразведки. Классика советского шпионского жанра – находка для всех поклонников крепкой и захватывающей приключенческой литературы.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-367-2

© Михайлов В. С., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Слоник из яшмы	6
Так появился «Маклер»	6
В каменном карьере	12
Первая ниточка	15
Глаша богачева	20
Слоник из яшмы	26
Следственный эксперимент	31
После дождя	38
Всех скорбящих	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Семёнович Михайлов

По следам Хельмута Мерлинга

© ООО «Издательство Родина», 2026

Слоник из яшмы

Так появился «Маклер»

Институт леса расположен под Москвой в поселке Строитель.

Не обязательно ехать в институт, можно было довольствоваться протоколом голицынской милиции и рапортом лейтенанта Климовой, но разные точки зрения на один и тот же предмет, как мне кажется, дают наиболее полное представление.

День был ясный, по-осеннему пахнувший арбузными корками. Сквозь молодые клены, окрашенные багрянцем, проглянула скульптура рабочего и колхозницы, за ней торжественные ворота выставки. Справа Яуза. Ростокино – старая Москва. Машина нырнула под мост железной дороги. После Мытищ левый поворот – один, другой, и вот асфальтированная площадь. Большое, довольно тяжелое здание в духе русского классического ампира.

В вестибюле шумно – идут государственные экзамены. Студенты снуют группами и в одиночку.

Положив в тарелку монету, я взял «За инженерные кадры» и, поднимаясь по лестнице, просмотрел газету института. Свидание было назначено в 202-й аудитории.

В комнате никого. Двухместные столы, кафедра, коричневая грифельная доска. Крупно на плакате написано:

«Задача лесоведения – найти законы жизни леса».

Я взглянул на часы – без трех минут двенадцать. Что ж, подождем. Направляясь к окну, я услышал, как скрипнула дверь за спиной.

– Товарищ Никитин? – спросил вошедший и на мой кивок головой представился: – Жбанков.

Коренастый человек лет тридцати. Каштановые волосы подстрижены ежиком. Его светлые глаза смотрели на меня с плохо скрываемым любопытством, а энергичная линия рта застыла в выжидательной улыбке.

– Простите, что потревожил, у вас горячая пора экзаменов. Как-то не удовлетворяет сухой язык протокола. Прошу вас рассказать подробно, со всеми запомнившимися вам деталями всю голицынскую историю.

– Пожалуйста, – согласился он. – Вам не мешает, если, рассказывая, я буду ходить по аудитории?

– Нисколько.

Сев за стол, я открыл блокнот и приготовил шариковую ручку.

– Простите еще раз, что мельтешу у вас перед глазами – привычка, – улыбнулся Жбанков, шагая взад и вперед возле кафедры. – Как натуралиста, меня интересует проблема защиты леса с помощью рыжего муравья «формика руфа». За лето семья одного муравейника собирает несколько миллионов гусениц сосновой совки, непарного шелкопряда, монашенки... Я увлекся... – перебил он себя.

– Интересно все, что имеет отношение к вашей профессии.

– Сам я из Голицына, – продолжал Жбанков, – там живут родители, отец и сейчас работает на железной дороге. Отпуск я обычно провожу дома. В этом году, в подлеске возле Минского шоссе, я обнаружил муравейник и решил наблюдать его в течение недели. В начале июня, вооруженный биноклярными очками, я сидел на раскладном стуле и наблюдал за муравьиной тропой. В течение часа фуражиры внесли в гнездо до полутора тысяч насекомых. Контрольное время истекло. Я стал записывать цифры и услышал тягучую меланхолическую музыку. На поляне прямо передо мной появился человек с транзисторным приемником в кожаном

футляре на ремне. Что-то обличало в нем иностранца. Хорошо скрытый разросшейся бузиной, я наблюдал за ним. Его манера осматриваться, прислушиваться к окружающему выдавала настороженность. Мне даже показалось, что у него шевелятся уши. Некоторое время, выключив приемник, он вслушивался, затем медленно двинулся к сосновому пню с большим корневищем, сел, вынул губами из пачки сигарету и, щелкнув зажигалкой, прикурил. Дымил он молча, осматриваясь по сторонам. Не докурив, продавил сучком в земле ямку, сунул в нее окурок и затоптал ногой. Это особенно обострило мое внимание. Когда, пользуясь биноклем, я взглянул на незнакомца, в руках его был складной нож. Открыв отвертку, он вставил ее в зазор на пне и рывком повернул. На землю упала заслонка, прикрывавшая нишу. Он поднялся в рост, снова осмотрелся и, не заметив ничего подозрительного, достал из пня маленький сверток в черной бумаге. Затем вставил заслонку на место, убедился, что она плотно прикрыла паз, и положил сверток в футляр приемника.

Слоник

Я стал невольным свидетелем чего-то незаконного, о чем надо было кому-то сказать, схватить нарушителя за руку. Но как? Что, если он выйдет из подлеска и на шоссе его поджидает машина? Я отправился вслед за ним.

Мы вошли в поселок, миновали дачу с буколической башенкой. С проспекта Мира незнакомец свернул на Коммунистический. Я понял, что он приехал поездом и направляется на вокзал. Неожиданно мое внимание привлекла идущая за ним молодая женщина. В согнутой руке она несла букет ромашек и книгу. Так мы дошли до вокзала. Незнакомец посмотрел на расписание. Ближайший поезд на Москву был через двадцать семь минут. Он постоял в раздумье и скупающей походкой двинулся к универмагу. Женщина с книгой направилась за ним.

Я бросал по сторонам отчаянные взгляды, как вдруг увидел подъехавшего на мотоцикле старшину милиции. Подбежав к нему, я как мог рассказал о незнакомце.

«Вы за свои слова отвечаете?» – спросил старшина и, получив подтверждение, отправился со мной в универмаг. «Только сразу отберите у него транзисторный приемник!» – предупредил я.

Старшина задержал незнакомца и повел к мотоциклу. Женщина с книгой улыбнулась мне, как старому знакомому, и протянула несколько ромашек.

Возле мотоцикла мы замешкались, потому что иностранец не хотел сесть в коляску, но старшина был настойчив. Когда мы приехали в отделение милиции, женщина с книгой находилась там.

Дежурный проверил документы задержанного. Им оказался турист, студент Гейдельбергского университета Курт Зибель. Старший лейтенант повертел в руках черный сверток и решил вскрыть его, но женщина сказала: «Не надо. Там может быть непроявленный негатив, и вы его засветите!» Дежурный передал ей пакет.

«Что это вы с таким увлечением читаете?» – спросил я женщину, на что она охотно ответила: «Франсуа Мориак, «Клубок змей». Удивительный дар запечатлевать мельчайшие движения человеческого сердца!»

Мой рассказ близится к концу, и мне хотелось бы, в свою очередь, задать вам несколько вопросов. Разумеется, если я могу...

– Пожалуйста.

– Что было в черном свертке Зибеля?

– Шифровка, которую прочли наши специалисты, – ответил я.

– А женщина с романом Мориака?

– Лейтенанту Климовой сообщили, что в ее районе появился подозрительный иностранец...

– Понятно... Вы получили протокол милиции и доклад лейтенанта Климовой, зачем же вам понадобились еще мои дилетантские суждения?

– Чем разнообразнее точки зрения, тем ярче предстает объект суждения. Разве не так?

– Пожалуй, так, – согласился Жбанков.

Мы простились. До отъезда из Москвы мне предстояла встреча с экспертами, важный разговор по телефону с ГДР и доклад полковнику Каширину. Поезд уходил вечером.

В этот день Ксюша дежурила и ей с трудом удалось вырваться из больницы.

На платформе посадочная суета.

В купе холодный свет ночника, а за окном яркие фонари перрона. Купе двухместное, но я знаю, второе место не продано. Мы молча сидим рядом, рука в руке. Прошло столько лет, а в ней почти ничего не изменилось. Тот же тяжелый узел волос на затылке, лучистые карие глаза, чуть побелевшая на горбинке линия носа, полные, немного вывернутые в улыбке, яркие губы. Выражение ее лица грустно. Мы снова расстаемся на неопределенное время. Слишком много в нашей жизни было встреч и расставаний, с самого первого дня, с первого нашего свидания. Фронт подходил к Воронежу – мое боевое крещение. Я только закончил архитектурный институт и попал в строительный батальон, но знание языков круто изменило мою военную судьбу. Переподготовка. Войсковая контрразведка. Снова фронт. Легкая контузия. Медсанбат. Молодой врач Ксения Вязова – первая встреча и первое расставание.

Я еду на восток, куда ведут следы шифровки голицынского тайника. Кто знает, куда меня еще занесет судьба. Мы с Ксенией молчим. Когда-то я писал стихи, и мне вспомнилось:

Мы расстаемся, словно на вокзале – Так много хочется и нечего сказать...

Хочется что-то сказать? Пожалуй, нет. Это молчание устраивает нас обоих.

Условный стук в дверь, в купе входит человек в сером спортивном костюме. Это капитан Гаев.

– Здравствуйте, Ксения Николаевна! – Со мной он не здороваются: час назад мы виделись в управлении, – Федор Степанович, – Гаев протягивает мне засургученный пакет, – экспертиза. Думал, не успею.

Я кладу пакет в боковой карман.

– Ксения Николаевна, я на машине, подождать вас? – спрашивает капитан.

– Спасибо. Доберусь на метро.

– Федор Степанович, в случае чего – телеграмму. Буду через три часа! – говорит Гаев, разглядывая кончик своего галстука. Ему очень хочется занять второе место в купе; Ксюша понимающе улыбается.

Простившись, Гаев выходит из купе и осторожно задвигает за собой дверь.

Через приспущенное окно с перрона доносится жеваный звук репродуктора: «Скорый поезд... отправляется через пять минут... просят провожающих...»

Свет фонаря падает на Ксюшу. Привстав на носки, положив руки мне на плечи, она говорит, голос у нее глухой от волнения:

– Ты, Федя, там...

– Понимаю.

Я целую ее, и Ксения выходит из купе. Жду у окна. Она стоит на платформе, приложив пальцы к щеке.

Поезд трогается и медленно набирает скорость.

За вагоном до конца платформы бежит человек в плаще, в руке его зажата шляпа, он что-то кричит, улыбается...

От щедро облитого светом перрона мы уходим в глубокую синь осеннего вечера. Окна домов освещены светильниками, рожками люстр – огни Москвы. Тяжело дыша, перед окнами разворачиваются фабричные корпуса. Задергиваю занавес, включаю настольную лампу.

Я всегда хорошо отдыхаю в поезде. Но на этот раз как-то беспокойно, пожалуй, тревожно. Ничто мне не угрожает, и страха, даже инстинктивного, нет, но тревожит неизвестность...

Проводник вносит чай с лимоном, запечатанный сахар и пачку печенья.

После его ухода достаю блокнот, ручку.

Хочу переосмыслить материалы дела, эпизоды, казалось бы ничем между собой не связанные, и найти между ними общность, логическую нить.

Открыв блокнот, пишу:

«1. «Формика руфа».

Под латинским названием лесного рыжего муравья – голицынской история.

Итак, «формика руфа» – утечка важных сведений из Верхнеславянского завода.

Дело второе. В блокноте я написал:

2. «Счастливая таблица».

В середине июля радиостанция «Дойче велле» («Немецкая волна») после глав из книги Рудольфа Гесса, узника Шпандау, передала добавление к выигрышной таблице лотереи в пользу землячества Кенигсберга около ста четырехзначных чисел. Предполагая, что переданное добавление к таблице может быть шифровкой, адресованной резиденту в СССР, мы направили ее в дешифровку.

Удалось прочесть:

«Тайник сорок третьем километре ликвидирован. Случае крайней необходимости пользуйтесь почтовым ящиком Кронцерштадт, 1/7. Форсируйте подготовку связного. Желаем удачи!»

Стало быть, бдительность натуралиста Жбанкова и провал Курта Зибеля привели к ликвидации голицынского тайника.

3. «Добрый дядя».

В конце июля наши друзья из ГДР, ведя наблюдение за домом на Кронцерштадт, 1/7, перехватили письмо из СССР от некоего Родионова, отправленное Эльзе Даймер – Кронцерштадт, 1/7, Шмаргендорф, Берлин. На левой стороне конверта обращало на себя внимание большое жирное пятно. По указанному на конверте обратному адресу гражданин Родионов Б. Т. не проживает. Письмо было безынтересное, корреспондент спрашивал о здоровье, кратко сообщал о себе, но меж строк тайнописью было зашифровано:

Милая Эльза! Вы хотели оказать помощь какому-нибудь скромному молодому человеку, сообщаю вам адрес такового: СССР, г. Свердловск, Нижние Выселки, Зеленая улица, 9. Общежитие стройуправления. Комната 5. Семену Григорьевичу Авдееву. Советую выслать ему джинсы сорок восьмого размера и яркой расцветки пуловер, остальное по Вашему усмотрению.

Уважающий Вас Богдан.

По характеристике наших друзей из ГДР, Эльза Даймер почтенная женщина, вдова шляпного фабриканта, ярая католичка, занимается благотворительностью, рассылает продуктовые и вещевые посылки в социалистические страны. Борется, как она говорит, с нуждой и лишениями.

Б. Т. Родионов, надо полагать, посредник между фрау Даймер и Авдеевым. Очевидно, что под видом добавления к выигрышной таблице взамен голицынского тайника ему подтвердили запасной адрес почтового ящика на Кронцерштадт, 1/7.

Письмо Родионова было подвергнуто экспертному исследованию в лаборатории, а потом отправлено берлинскому адресату.

Вспомнив об экспертизе, я сломал печать и прочел заключение на бланке:

«Химический анализ жирового пятна на конверте показал в своем составе присутствие:

1. Смолы лакового дерева (сумаха).
2. Льняного масла.
3. Копала.
4. Эфира целлюлозы.

Можно предположить, что смесь представляет собой лак для покрытия живописи».

Главное – резидент, условно «Маклер». По какому следу надо сделать первые шаги? Попробую сформулировать.

По сведениям шифровки Зибеля можно предположить, что «Маклер» живет, работает или постоянно находится вблизи объекта наблюдения. Чтобы заложить шифровку в тайник, «Маклер» должен был отсутствовать от одного дня (самолетом) до четырех дней (поездом).

Надо просмотреть списки авиапассажиров за первую декаду июня, до появления Зибеля в Голицыне.

Если добавление к выигрышной таблице было адресовано «Маклеру», то он должен располагать радиоприемником и слушать «Немецкую волну» в часы выхода ее в эфир.

Разумеется, искать приемник дело не легкое, но наличие приемника при подозрении – косвенная улика.

Экспертиза свидетельствует, что жировое пятно на конверте имеет отношение к лаку для покрытия живописи. А что, если «Маклер» работает в качестве художника и рецепт его лака представляет секрет мастера? Исследуя рецептуру лака местных художников, можно выйти на «Маклера», пользующегося этим рецептом. Кроме того, наблюдение за Авдеевым может привести к «Маклеру». Не мог же он послать это письмо фрау Даймер, не будучи знаком с Авдеевым!

Какие-то догматические мысли! Думается, что построено все на разумной основе, но гипотеза-то одна! А истину можно извлечь из нескольких версий! Устал. Чертовски устал...

Выключив настольную лампу, раздернул занавеску. За окном мелькали станционные огни. Замедляя ход, поезд подходил к Мурому.

Я смотрел на почти пустую платформу и размышлял. Декарт говорил: «Все подвергай сомнению». Ну что ж, без доли разумного скепсиса трудно установить истину.

Если шифровку в тайник закладывал «Маклер» с помощью другого лица? А транзисторный приемник он слушает, не пользуясь репродуктором? Есть же маленькие мембраны для ушной раковины. Не исключено, что «Маклер» не имеет никакого отношения к живописи, он живет в доме художника или просто воспользовался чужим конвертом.

Короткий сигнал электровоза вывел меня из задумчивости. Дали отправление.

Решил спать. Подумаю утром на свежую голову.

Во сне я часто брожу по роще белой акации. Это детство – Саратов, Митрофановский разъезд. Я брожу среди тяжелых гроздей белых цветов, их одуряющего аромата и перестука дятлов.

Мне кажется, прошло всего несколько минут, как погасил свет и натянул на себя одеяло, а я снова в роще акаций и дятел стучит в сухой ствол: тук... тук-тук-тук... тук-тук...

В каменном карьере

Ровно в двадцать часов девятнадцать минут поезд подошел к платформе Свердловск-Пассажирская.

Первый, кого я увидел, был приветливо улыбающийся Гаев.

– Что случилось, Николай Алексеевич? – удивился я.

– В Верхнеславянске на заводе при странных обстоятельствах исчез инженер Якуничев. Полковник вызвал меня. «Обстановка изменилась, сказал, догоняйте Федора Степановича самолетом, вы можете ему понадобиться».

– Подробнее! – требую я.

– Якуничев Глеб Матвеевич, способный инженер-конструктор, работает в КБ завода. Имеет самостоятельные труды в области сверхпроводимости и лазерной техники. Второго августа ушел в трехдневный отпуск и не вернулся...

– В шифровке, добытой из тайника, была информация о лазерной технике...

– Вы считаете...

– Ничего я не считаю... Неужели исчезновение Якуничева имеет отношение к «Маклеру»?

– Почему «Маклер»? – спросил Гаев. У него реалистическое мышление, и он плохо мирится с условностью.

– Потому что этот тип был посредником между Авдеевым и фрау Даймер. «Посредник» – по-немецки «маклер».

– Пусть будет «Маклер», – согласился он. – Якуничев мог быть агентом «Маклера»...

– Если бы Якуничев был агентом «Маклера», то информация в шифровке была бы технически грамотнее.

– Какое же отношение имеет «Маклер» к исчезновению Якуничева?

– Многое еще не ясно. Не задерживаясь в Свердловске, ты отправишься в Верхнеславянск. Установишь родственные и дружеские связи Якуничева. Подробности уточним позже: видишь, нас встречают!

К двери купе подошел офицер и, козырнув, представился:

– Старший лейтенант Лунев!

– Майор Никитин, – ответил я и указал на Николая Алексеевича: – Капитан Гаев.

Руку Лунев пожал сильно и энергично.

– Товарищ майор, вас дожидается в управлении начальник отдела полковник Шагалов. Может быть, раньше мы забросим в гостиницу вещички?

– Это далеко? – спросил я.

– Почти по дороге, – ответил Лунев и взял мой чемодан.

– Давайте в гостиницу, – согласился я и вежливо отобрал у него чемодан. – Скажите, Лунев, как вас по батюшке?

– Евгений Корнеевич.

– Так вот, Евгений Корнеевич, расскажите капитану Гаеву, как лучше добраться до Верхнеславянска.

– Лучше всего машиной. Дадим из управления «газик». Два часа езды.

Мы быстро вышли каким-то боковым проходом к машине. Я сел рядом с водителем и с удовольствием осматривал город – проспект Свердлова, улицы, названия которых не успевал прочесть, плотные ряды ясеня и черемухи. Листья уже начали желтеть и падать. Проехали оперный театр, большой сквер, памятник Свердлову и остановились возле многоэтажной гостиницы «Большой Урал».

Номер был забронирован, и уже через несколько минут мы были в управлении.

С полковником я знаком: он приезжал в Москву на семинар. Разговор состоялся деловой и краткий.

– Мой заместитель вчера уехал в отпуск, – говорил Шагалов, – будете пользоваться его кабинетом.

Мы прошли в просторную, хорошо обставленную комнату рядом.

– Работу мы уже начали. Старший лейтенант Лунев выезжал на место. На первых порах вам нужны характеризующие данные на Авдеева Семена Григорьевича. Вот вам ключ от сейфа, в нем папка с материалом. Старший лейтенант Лунев будет работать с вами, – продолжал полковник, – связывать с нужными людьми, знакомить с обстановкой.

– Нужно сейчас же отправить капитана Гаева в Верхнеславянск. Второе: к утру списки пассажиров по авиалинии Свердловск-Москва и обратно за первую декаду июня. Третье: для консультации требуется опытный художник, специалист по станковой живописи и реставрационным работам. Он должен хорошо знать местных художников и уметь держать язык за зубами.

– Все? – спросил полковник.

– На сегодня все.

– Тогда я пока отправлю капитана Гаева в Верхнеславянск, – предложил Лунев и, получив молчаливое согласие полковника, вышел из кабинета с Гаевым.

– Вы посмотрите данные на Авдеева, а я еще часа два буду у себя, в случае чего – милости просим.

– О Якуничеве ничего нового? – Мой вопрос настиг Шагалова в дверях.

Полковник вернулся к столу и сел в кресло.

– На заводе отличная характеристика. Якуничев обладал хорошей памятью. Исполнитель. Человек слова: сказал – сделал. Способный инженер с задатками ученого. Готовился к аспирантуре. Говорят, что последние работы в области лазерной техники легко могли дать ему кандидатскую степень. Жил скромно, по средствам. Поддерживал в Ишиме бабушку Марфу Андреевну. Горсовет отремонтировал ей старый дом, в котором Якуничевы живут чуть ли не со времен Коркинской слободы. Отец и мать Глеба Матвеевича погибли в Отечественную войну, воспитала его бабушка. Якуничев холост, жил в коммунальной квартире. В его письменном столе обнаружены письма из Ишима, в некоторых бабушка Марфа Андреевна передает теплые приветы Глаше. Кто это, пока выяснить не удалось. Соседи не помнят, чтобы у Глеба Матвеевича были знакомые женщины. Друзей у Якуничева тоже не было.

– Дома следы поспешного отъезда? – спросил я.

– Нет. Все в полном порядке. Накануне была получка, в среднем ящике стола обнаружены деньги, он взял с собой только двадцать пять рублей.

– У него кто-нибудь бывал?

– Только товарищи по работе, но в дни, предшествующие бегству...

– Бегству? – уточнил я.

– Ну, исчезновению... Не было никого.

– Кто живет помимо Якуничева в этой квартире?

– Дорожный мастер на пенсии с женой и женщина лет сорока, работающая кассиром в кинотеатре. В квартире три комнаты.

Я просмотрел свои заметки в блокноте и невольно усмехнулся – дело становилось все сложнее.

– Ну что ж, Владимир Иванович, спасибо за сообщение. Буду читать рапорт Лунева. – Я проводил полковника до двери. – В случае чего, воспользуюсь вашим разрешением.

– Пожалуйста.

Я достал из сейфа «дело» Авдеева и открыл папку.

«Авдеев Семен Григорьевич. Родился 18 апреля 1944 года в селе Ново-Оськино, Одесской области. Работает землекопом в стройуправлении № 20. Адрес: Нижние Выселки, Зеленая улица, № 9. Общежитие. Комната № 5».

В середине апреля 1944 года гитлеровский гарнизон, отступая на запад, поджег Ново-Оськино. Село занялось огнем. В это время в наскоро вырытой лесной землянке у Евдокии Авдеевой родился второй сын. Первый, Яков, был уже «работник».

Григорий Авдеев с женой и родившимся сыном, названным в честь деда Семеном, выехал на восток. Остановились они в двенадцати километрах от Свердловска, в городе на реке Березовке при впадении ее в Пышму. Григорий работал плотником в строительной бригаде.

В тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, прослышав о высоких заработках в Красноярске, Григорий Авдеев сперва подался сам в Сибирь, а затем перевез и семью. Семен Авдеев пошел в школу, но, с трудом дотянув до шестого класса, вынужден был поступить в ученики к штукатуру. Дальше рассказывалось о случайной встрече Авдеева с рецидивистом, сыгравшим немалую роль в судьбе Семена. Этот эпизод был записан со слов близкого друга Авдеева – пастуха из села Ново-Оськино Ионы Хлюпина, а также сельского милиционера Остапа Журбы и Евдокии Романовны, матери Авдеева.

Постучав, в кабинет вошел старший лейтенант Лунев и доложил:

– В двадцать два часа капитан Гаев выехал на «газике» в Верхнеславянск. Его встретит капитан Стрыгин. Комната забронирована в доме приезжих. Я созвонился с одним товарищем из гражданского воздухофлота, встречаемся на аэродроме в двадцать три часа. Если я вам, товарищ майор, не нужен...

– Нужны, Евгений Корнеевич, садитесь.

Лунев опустился в кресло и поправил тесный воротничок туго накрахмаленной рубашки.

– Вы были сами в Ново-Оськине? – спросил я.

– Был. И в общежитии СУ-20 жил неделю. Пришлось вспомнить свою старую специальность крановщика.

– Пока о Ново-Оськине. В каком качестве вы появились в селе?

– Там есть сержант Журба. Славный человек. Три ордена солдатской славы. Брал Киев, дважды форсировал Прут. Сержант служит в Ново-Оськине милиционером, так я к нему приехал в качестве племянника, в отпуск. Познакомился с Ионой Хлюпиным. Душевный парень, правда, не развитой и тяжело болен – у него падучая. С Ионой я подружился. Вместе на зорьке гоняли коров. Мать Авдеева, Евдокия Романовна, добрая женщина, простая, словоохотливая.

– А уехали как?

– Кончился отпуск. Провожали меня добром. Ионе я подарил на память волшебный фонарь. Ну, а здесь в общежитии...

Вошел полковник Шагалов. Взглянув на него, я понял, что случилось что-то серьезное.

– Хорошо, что ты, Евгений Корнеевич, здесь! – бросил он на ходу, увидев Лунева. – Звонили из уголовного розыска. На станции Зеленая Падь, это в восемнадцати километрах от завода, метрах в пятистах от вокзала, в каменном карьере обнаружен труп мужчины лет тридцати. Серый костюм, темно-красный галстук, коричневые полуботинки. Документов нет. Отсутствуют часы и деньги. С оперативной группой выехали судебно-медицинский эксперт и наш человек.

– Вы думаете...

– Думаю, Федор Степанович, еще как думаю. Предчувствие редко меня обманывает.

Первая ниточка

Утро выдалось ясное, безветренное, теплое.

Я встал по привычке рано и пошел в управление пешком, рассчитывая где-нибудь по пути позавтракать.

В закуской я выпил стакан кофе с булочкой и еще не было девяти часов, как входил в управление. «Одним из первых», – подумал я, но на столе меня ждала записка:

Федор Степанович, зайдите, пожалуйста. Шагалов.

Полковник поднялся навстречу, поздоровался.

– Предчувствие меня не обмануло – это Якуничев. Ночью вызвали в Зеленую Падь Стрыгина, и он опознал: капитан знал Якуничева лично. Вскрытие начали в четыре утра. С минуты на минуту должно быть заключение судебных медиков. По мнению врача-эксперта, смерть наступила три дня назад. Причину установить не удалось, но вскрытие даст ответ и на этот вопрос.

– Как обнаружили труп?

– Вчера ночью выпал туман. Железнодорожник, живущий в поселке, возвращался домой, сбился с пути и провалился в карьер. Там он увидел тело, наспех засыпанное щебенкой... От капитана Гаева из Верхнеславянска еще ничего нет?

– Рано. Он в двадцать три часа только прибыл на место. Мы условились, что капитан будет мне звонить ежедневно с девяти до десяти утра и с шести до семи вечера. – Я посмотрел на часы, было без пяти девять. – Пойду к себе, подожду звонка и дочитаю рапорт Лунева. Если что-нибудь будет новое, прошу, Владимир Иванович, постучите мне в стенку.

Вчера я остановился на возвращении Авдеевых в Ново-Оськино.

«Поначалу, чтобы получить разрешение на приусадебный участок, – читал я, – вся семья Авдеевых поступила в колхоз. Но уже в начале шестьдесят четвертого года Семен перешел на кирпичный завод, работа здесь была потяжелее, но заработок выше.

Был в Ново-Оськине только один человек, которому Семен доверял, – его однолетка пастух Иона Хлюпин. В конце декабря Семен завербовался в Свердловск на земляные работы. Он мог бы работать по специальности, но на земляных работах выше заработка, это и решило его выбор. Родители не уговаривали его остаться – не маленький, пусть поживет самостоятельно.

Весь период работы Авдеева на Урале ничем не примечателен и можно было бы его опустить, но два-три эпизода заслуживают внимания.

В бригаде землекопов семнадцать человек. Как Семен Авдеев, они живут в общежитии. Большинство кадровые рабочие, люди серьезные. Вот в этой среде кадровых рабочих Семен решил чем-то выделиться и продемонстрировал свой старый трюк, имевший когда-то успех у сверстников.

В воскресенье после коллективного посещения цирка в общежитии зашел разговор о программе фокусника. Семен поднялся и с усмешкой сказал:

– Эка невидаль! Мура! Вот, глядите! – Он разбил стакан, взял осколок стекла, засунул в рот, пожевал и выплюнул, окинув взглядом присутствующих: мол, что, здорово?

Его поступок произвел удручающее впечатление. Оно и понятно: человек в своем уме не станет жевать стекло.

А Семен, расценив по-своему молчание бригады, хвастливо добавил:

– Да я такое могу... Вот, смотрите!

Он схватил доску, на которой гладили брюки, и кулаком забил в нее трехдюймовый гвоздь.

Сосед по комнате, человек в годах, в прошлом матрос торгового флота, Александр Саввич Дзюба подошел к Семену, постучал пальцем по его лбу, без особого усилия вытащил из доски гвоздь, завязал его узлом и сказал:

– Ты, парень, я вижу, чокнутый. На узелок на память, чтобы глупостями не занимался.

С тех пор и сложилось отношение к Авдееву: в каждом городе, мол, свой псих! И хотя Семен работал неплохо, бригадир ему по сто тридцать выводил в месяц, его считали с придурью и откровенно над ним посмеивались.

Как-то Авдеев работал в паре с Дзюбой, рыли они траншею под коммуникацию. Во время перекура Семен поделился:

– Получил я письмо из дома...

Раскуривая тяжелую голландскую трубку, Дзюба из вежливости сказал:

– Интересно.

– Парень у нас один... Ушел за границу...

– Как же это он? – попыхивая трубкой, без интереса спросил Дзюба.

– Да так... В Одессе это было. Ночью украл лодку да и сиганул.

– Куда же он? В Турцию?

– Выходит, туда...

– Один? – удивился Дзюба.

– Один.

– Бреешь ты, парень! Триста морских миль. Один на шлюпке? Да он и за пятнадцать ден не доберется! Хотя, – сам же усомнился Дзюба, – если попросился на иностранное судно, может быть. Что ему понадобилось в Турции? Там своих нищих – пруд пруди! Дурак выискался! – в сердцах сказал он, но подумал: «Это когда же Авдеев получил письмо? Врет. Сколько живем в общежитии, не было ему писем».

Дзюба посмотрел на Авдеева. На лице парня блуждала хитрая ухмылка, словно он смеялся над матросом.

Перекур кончился, и Дзюба забыл об этом разговоре, но как-то поздно вечером, ложась спать, Семен спросил шепотом:

– Саввич, ты думаешь, его на иностранное судно взяли?

Дзюба вспомнил разговор в траншее и, повернувшись на другой бок, бросил:

– Ты бы книжку, что ли, в руки взял!

Месяца два спустя для подведения итогов выполнения плана пригласили бригаду землекопов в контору стройуправления.

На совещании говорили много и не меньше курили.

Семен Авдеев ничего не слышал, его взгляд был прикован к большой политической карте мира, висящей на стене. Он перебрался поближе к карте и, что-то приговаривая, водил пальцем по берегам Черного моря.

– Что, парень, изучаешь географию? – положив руку на его плечо, спросил Дзюба.

Семен был так углублен в свое занятие, что даже вздрогнул от неожиданности, повернулся к Дзюбе, но ничего не ответил.

Все это мне лично рассказал Александр Саввич Дзюба».

На этом заканчивался рапорт старшего лейтенанта. Затем следовали рапортики сотрудников наблюдения, по которым было нетрудно представить себе однообразную жизнь Семена Авдеева.

Парень ни с кем не общался, нигде не бывал, один раз смотрел фильм, показанный кинопередвижкой в столовой общежития. Приходила к ним из библиотеки книгоноша, предлагала литературу, но Авдеев лег на койку и отвернулся к стене.

Раздался резкий, требовательный телефонный звонок, я снял трубку и сразу узнал голос Гаева. Слышимость была хорошая.

– Федор Степанович?

– Здравствуй, Николай Алексеевич! Удалось что-нибудь?

– Пока нет. Капитан Стрыгин сделал все возможное. Материалы выслали фельдсвязью. О находке в Зеленой Пади знаете?

– Знаю. Глашу не обнаружили?

– Нет. Якуничев каждый день после работы бывал в библиотеке. Сегодня я просмотрю его читательский формуляр, поговорю с библиотечными работниками. Буду звонить вечером.

В кабинет вошел старший лейтенант Лунев. Очевидно, он слышал последнюю часть разговора с Гаевым, потому что спросил:

– Есть новости?

– Ничего существенного. Здравствуйте, Евгений Корнеевич, каковы ваши успехи?

– Списки авиапассажиров. Что с ними делать дальше?

– Покажите.

Лунев положил передо мной списки по числам с первого по десятое июня. Семьсот восемьдесят фамилий. С глупой надеждой встретить Родионова я мельком просмотрел список. Конечно, удачи бывают легкими, но не в таком серьезном деле.

– Мы назначим специальную бригаду, которая займется проверкой, – сказал я. – Сначала надо исключить всех женщин, затем мужчин, направленных в Москву по делам службы, старожилов Урала. После чего тщательно проверить оставшихся. Не исключено, что искомый пользовался вымышленной фамилией и на следующий день вернулся обратным рейсом, но уже под другим именем. Как с консультантом?

– Есть такой – Осолодкин Касьян Касьянович. Живет он на улице Чапаева, неподалеку от дома Бажова. Они были дружны, часто встречались. Осолодкин иллюстрировал его «Малахитовую шкатулку». Старик крепкий, памятный...

– Сколько же ему лет?

– За восемьдесят. Он еще работает. Пешком ходит на натуру. Пишет этюды на озере Шарташ. Мы послали к Осолодкину человека, если договорится, сегодня съездим.

В стену раздался стук.

– Пойдемте, Евгений Корнеевич, к полковнику, – пригласил я Лунева.

Когда мы вошли в кабинет, Шагалов разговаривал по телефону. Указав жестом на лежащий раскрытый блокнот, он продолжал сосредоточенно слушать, очевидно, судебно-медицинского эксперта, потому что сказал:

– А причина смерти у вас не вызывает сомнения?

Я взял со стола блокнот и прочел торопливую запись полковника.

«Смерть наступила от семидесяти до восьмидесяти часов тому назад... После удара тяжелым тупым предметом в затылочную часть черепа потерпевший потерял сознание. Затем длинным острым предметом преступник проколол сердце, что и послужило причиной смерти. На месте проникающего ранения – миллиметровое отверстие в рубашке, а на два пальца ниже соска левой груди – значительное кровоизлияние...»

– Вы понимаете всю важность вашего сообщения? – спросил полковник и, видимо, удовлетворенный ответом, добавил: – Когда я получу письменное заключение? Хорошо, Иван Матвеевич, до свидания! – положил на рычаг трубку, помолчав, обратился ко мне: – Прочли? Что скажете, Федор Степанович?

– Очень трудно собраться с мыслями... – Я сел в кресло, задумался, и было над чем. – Гирька на сыромятном ремешке и острый колющий предмет... Очень профессионально, а главное – чертовски знакомо... Вот только не могу вспомнить откуда...

– Художник Осолодкин в одиннадцать ждет вас для консультации. Машина у подъезда. – Полковник взглянул на часы: без четверти одиннадцать.

– Владимир Иванович, надо поручить толковым, главное, упрямым людям проверку списка авиапассажиров. Евгений Корнеевич в курсе. Прошу общее руководство оставить за ним. От консультанта я вернусь в управление.

– Ни пуха ни пера, – пожелал Лунев.

– К черту, – отозвался я и добавил: – За последние два дня я слышу это пожелание во второй раз, но... пока – ни пушинки, ни перышка надежды...

Размышляя о смерти Якуничева, я не заметил, как водитель затормозил возле бревенчатого домика с резными наличниками и узорчатой ротондой над высоким крыльцом. На окнах, словно в теплице, среди пестрых ситцевых занавесок нежно цвел аспарагус.

На мой звонок дверь открыла женщина лет пятидесяти, румяная, полная, опрятно одетая. Она сунула мне маленькую пухлую ручку и сказала напевным уральским говорком:

– Однако, ждет вас Касьян Касьянович. Заходите.

Я оказался в большой комнате. На стенах висели пейзажи уральской природы в богатых рамах и совсем без оформления, точно разутые. Картины писаны в хорошей свободной манере, с тщательно выписанным первым планом. Почувствовав на себе взгляд, я обернулся – позади меня стояла хозяйка, сложив на груди руки и подперев пальцами подбородок.

– Вы, мил человек, однако, зря это! Ей-бо, зря! – сказала она, укоризненно покачав головой.

– Вы о чем? – не понял я.

– Мало ли что бабы языком треплют! У Касьяна Касьяновича пятый год как Анастасия померла, моя сестра... Злыдни говорят, со мной связался, так брехня это! Ей-бо, брехня!

– А хоть бы и так, что с того? – улыбнулся я. «За кого она меня принимает?» – У нас есть и такой обычай – помрет жена, вдовец на сестре женится.

– И правильно, однако, потому дом без бабы – сирота! – Она заулыбалась, как-то вся изнутри засветилась и, протягивая свою пухлую ручку, сказала: – Чтой-то я не назвалась, однако. Милитина Андриановна! Сейчас я Касьяна Касьяновича вам покличу.

Осолодкин оказался жилистым, сухим, лысым старичком, с лицом, густо заросшим, словно у лешего, и совсем молодыми глазами, голубыми, как заводь на солнце. Шел он ко мне какой-то вкрадчивой походкой, точно кот на зазевавшегося воробья, наклонив к плечу голову и прищурившись.

– Наслышан. Прошу садиться, – неожиданно сказал он испитым или простуженным басом. – Ты, Милитина Андриановна, похлопочи по хозяйству. – Он повернулся к двери, где показалась женщина. – Промеж нас разговор мужской, – Тщательно притворив обе половинки двери, он вернулся и, подмигнув мне, поделился: – Все пытала меня: да кто? Да зачем? Я и пустил ей лебедя: из загса, мол, почему мы с тобой не венчаны! А с меня Анастасия перед смертью слово взяла, чтобы я с Милкой не связывался. Захочешь жениться, сказала, возьми молодую...

– А чем же Милитина плоха? Хорошая женщина, – вставил я.

– Так ведь моей Анастасии было бы сейчас пятьдесят...

– А Милитине Андриановне? – удивился я.

– Ей семьдесят второй пошел! Я даром что неграмотный, а пряники ем писанные. Вас зовут Федор Степанович? – садясь в кресло напротив, спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: – Не обессудьте, если что запямятовал: года...

– Требуется мне, Касьян Касьянович, консультация по живописному лаку, – перешел я к делу.

– По лаку я вам кого другого посоветую...

– Почему? – спросил я, скрывая досаду.

– Не люблю я лак в живописи. По мне, чтоб фактура была, мазок. Я иной раз шпателем подложу краску. А живопись, крытая лаком, – баловство, галантерея. Конечно, в старину ита-

льянские или, там, скажем, голландские мастера лаком пользовались, так ведь они лессирующей брали, у них цвет сквозь цвет просвечивал.

– А рецептуру лака вы знаете?

– Отчего же не знать, знаю.

– Вам знаком лак, в состав которого входят смола сумаха, льняное масло, копал и эфир целлюлозы?

– В Германии еще с незапамятных времен у Штобвассера в мастерской работали таким лаком.

– А здесь у вас кто-нибудь составляет лак по такому рецепту?

– Не думаю. Разве что несколько человек у нас есть из церковников, они на реставрации икон лаки применяют.

– Кто это?

– Из мастеров Никон Черноусов, он старый иконописец. Приблудился к нему Донат Юколов. Есть тут под городом церковка Всех Скорбящих, построена в одна тысяча семьсот шестьдесят седьмом году, четырнадцатого октября. Двести лет ей в этом году. Патриарх очень торопит с реставрацией. Говорят, сам епископ свердловский будет служить торжественную службу. Так вот Юколов и Черноусов работают в этой церковке. Живет Черноусов в городе, а Юколов – не знаю.

– Что они собой представляют?

– Черноусову лет шестьдесят, обличия поповского. Мужик здоровый, воду возить на нем можно. Жадный до денег; их, поди, у него столько – пруд пруди! Юколов приехал из Архангельской области. Говорят, помор с Белого моря. Прижился. Работу его я видел – мастер! Миниатюры пишет под лак, пишет чисто, собака, ничего не скажешь. Бородат. Благообразен. А сколько ему годов, сказать не могу: волосом он сед или светел, – не разберешь. Этот мужик такой – из печеного яйца цыпленка высидит. Была у меня с ним свара...

– Расскажите.

– В Союз художников поступило заявление: мол, зачем нам в союзе нужны церковники? Разбирали мы этот документ, а в конце попросил Юколов слово: «Какие же из нас церковники? – говорит. – Мы восстанавливаем памятник старины. Ну, а то, что работаем в церкви, так артисты иной раз в Елоховском соборе поют, а их никто из союза не исключает...»

– Чем дело кончилось? – спросил я.

– Чем? И жгуча крапива родится, да во щах уваривается! Приняли эдакое половинчатое решение и разошлись.

В это время дверь в гостиную распахнулась, вошла Милитина Андриановна.

– Милости прошу дорогого гостя, однако, к столу!

Хозяйка источала такое радушие, такое хлебосольное гостеприимство, что я не устоял и шагнул в столовую. Только взглянул на стол, понял, что машину надо отпустить, тут и за час не управиться, а обижать старика не следовало.

Вернулся в управление как раз ко времени звонка из Верхнеславянска.

– Федор Степанович? – услышал я голос Гаева.

– Что случилось, Николай Алексеевич?

– А вы почему знаете, что случилось?

– Не первый год знакомы.

– Глашу нашел! Завтра с утра до двенадцати она дома. Приедете?

– Буду к девяти часам утра!

Появилась ниточка хотя и не очень крепкая, а потянуть есть за что!

Глаша богачева

Я вышел из «газика» перед заводоуправлением, массивным многоэтажным зданием, к которому вплотную примыкал кирпичный забор с колючей проволокой поверху. Первый этаж здания занимала проходная, бюро пропусков и караульное помещение. В дирекцию и управление вел специальный подъезд с медной дощечкой на двери под скупым железобетонным козырьком. За забором уходили в перспективу трехэтажные корпуса, связанные между собой на уровне второго этажа глухими переходами.

Было безлюдно и тихо. От завода исходило ровное жужжание, словно полет шмеля.

Из подъезда выбежал капитан Гаев – он из окна наблюдал за дорогой – и повел меня на второй этаж в угловую комнату длинного коридора, в комнату, где расположился Стрыгин.

Мы поздоровались, сели за стол. Гаев пододвинул ко мне сифон с содовой. Из окна открывался внушительный вид на территорию завода. Бросалось в глаза отсутствие людей.

– Тихо здесь, – сказал я с удивлением.

– Пропуск на переход из цеха в цех выдается немногим, – пояснил Гаев.

– Ну, рассказывай, Николай Алексеевич, как ты обнаружил Глашу.

– Задолго до моего приезда капитан Стрыгин беседовал со всеми, кто общался с Якуничевым. Дублировать капитана не имело смысла. Из записей Якуничева я установил, что почти каждый день после работы он посещал библиотеку и подолгу засиживался в читальне. В библиотеке я познакомился с девушкой, обычно работающей в коллере, вчера она заменяла библиотекаря. Когда я поинтересовался читательским формуляром Якуничева, девушка спросила: «Он вас очень интересуется?» Я говорю: «Очень». Тогда она: «Вам надо повидаться с Глашей Богачевой, только не говорите, что я вас послала. Между ними была дружба или любовь...» Адрес Богачевой я узнал в клубе завода. Живет она на Лесной улице, в двухкомнатной квартире. Во второй комнате счетовод заводоуправления, он до пяти часов на работе. Богачева заступает в двенадцать и работает до восьми. Сейчас она дома.

– Слухи о смерти Якуничева сюда еще не просочились?

– Думаю, что нет. Железнодорожник, который провалился в каменный карьер, немногословен. А то, что Стрыгин опознал Якуничева, никто не знает. Пойдете, Федор Степанович?

– Да. Пойду один. Вдвоем труднее вызвать человека на откровенность. Что ты можешь о ней сказать?

– Глафира Денисовна Богачева. Двадцать три года. Родители живут в Новосибирске. Кончила библиотечный техникум. В Верхнеславянск приехала по распределению. Работник хороший, книгу знает и любит. Это все, что известно из личного дела. Вот ее фотография.

С открытки смотрела не то что хорошенькая – красивая девушка. Стриженные волосы. Челка на лбу. Удлиненный разрез глаз. Прямой, слегка вздернутый нос. Правильной формы губы...

Когда на мой стук девушка открыла дверь, я сразу узнал ее. В жизни она была даже лучше, чем на фотографии.

– Глафира Денисовна? – спросил я.

– Да.

– Можно с вами поговорить?

– Да, пожалуйста, проходите.

Она пропустила меня в комнату, обставленную хорошо и со вкусом. Лицо ее было тревожно. Беспокойные длинные пальцы мяли тонкий носовой платок.

– Скажите, Глафира Денисовна...

– Зовите меня Глашей, – перебила она и села напротив.

– Скажите, Глаша, вы знакомы с Якуничевым?

– С Глебом что-нибудь случилось? – Она вскочила и сделала шаг ко мне.

– Я приехал для того, чтобы выяснить, где находится Глеб Матвеевич Якуничев. Вы, Глаша, единственный человек, который мне может быть полезен. Вот мое удостоверение...

Глаша взяла книжечку, открыла, пробежала глазами и, возвращая документ, спросила:

– А почему я единственная, кто может вам помочь?

– Вы знаете, что Глеб Матвеевич был очень замкнут, ни с кем не сходил, не дружил...

– А почему «был»? – спросила она, и крылатые брови ее сурово сошлись на переносье.

– Потому что речь идет о времени, предшествующем исчезновению Якуничева. «Был» – это время прошедшее.

– Вы так говорите, словно его нет. Что вам от меня нужно?

– Вы с Якуничевым близко знакомы?

– Когда Глеб Матвеевич закончит работу над диссертацией, мы поженимся. Знаете, он однолюб. Часто Глеб говорит, как трудно ему совместить любовь к науке и ко мне. Но я буду вместе с ним любить свою соперницу, я буду тихой-тихой, смирной-смирной...

Она сощурила глаза, как это часто делают люди близорукие, и на губах ее появилась теплая улыбка.

Наступила пауза. Мне не хотелось тревожить ее добрых чувств. Вчера вечером я ездил с полковником Шагаловым в морг, и против моего желания в эти минуты перед глазами возникло закрытое до подбородка простыней тело Якуничева. С трудом преодолев это, я спросил:

– Скажите, Глаша, вам известно, куда и зачем отправился Глеб Матвеевич?

– Нет. Я только могу предполагать...

– Вы можете со мной поделиться?

– Да, конечно. Какая-то беда стряслась с Аркадием Борисовичем, он срочно нуждался в помощи. Второго августа вечером Глеб забежал ко мне в библиотеку, сказал об этом и уехал...

– Кто такой Аркадий Борисович? Что связывает его с Якуничевым?

– Знаете, это целый роман. – Она улыбнулась. – У вас хватит терпения слушать?

– Хватит. Расскажите подробнее.

– В марте месяце, числа десятого, точнее я могу установить по письмам, Глеба направили в Свердловск на симпозиум. В Свердловске на вокзале он оставил чемодан на хранение и поехал по делам. Когда он собрался на вокзал за чемоданом, оказалось, что у него нет бумажника, где было немного денег, документы и багажная бирка. Глеб поехал на вокзал, чтобы предупредить в камере хранения о пропаже, но ему ответили, что чемодан уже выдан представителю бирки. Он очень расстроился. В чемодане были деньги, конспект его выступления на симпозиуме, туалетные принадлежности, белье и мой сувенир. Я ему подарила на счастье слоника из серой яшмы. Мне слоник достался от деда, который привез его с Памира. Вот Глеб стоит там в камере хранения и не знает, что ему делать. Подходит к нему мужчина лет пятидесяти, в шляпе и брезентовом плаще, и говорит как-то задумчиво: «Я, говорит, вижу, молодой человек, что у вас что-то случилось. Может быть, я могу быть вам полезен?» Глеб к нему как-то сразу расположился и все как на духу выложил. Он подумал и говорит: «Меня зовут Аркадий Борисович, я кооператор из Невьянска. В Свердловске по делам службы. Живу в гостинице, занимаю двухместный номер. Давайте поедem ко мне, переночуете, а утро вечера мудренее. Деньги у меня есть, вот вам на первых порах пятьдесят рублей. Потом вы их мне в Невьянск вышлете». И вы знаете, Глеб поехал к этому Аркадию Борисовичу, пять дней прожил с ним в номере, участвовал в симпозиуме, хотя с докладом не выступал, за его счет купил билет до Верхнеславянска. У Глебушки такой характер, он зло и добро помнит одинаково хорошо. Он этого Аркадия Борисовича за его бескорыстие, доброту...

– А как фамилия этого доброго человека? – спросил я.

– Знаете, он мне говорил, но я забыла...

– Деньги Глеб Матвеевич перевел в Невьянск?

– Деньги Глеб перевел, но месяца через полтора... перевод вернулся обратно за ненахождением адресата...

– Глеб Матвеевич не рассказывал вам, как выглядит этот добрый человек?

– Постойте... сейчас вспомню... У него борода, усы... Он носит очки, старенькие, в металлической оправе, обмотанные тряпочкой на переносье... И еще глаза... добрые-добрые... Вот фамилию я забыла...

– Фамилию мы легко установим.

– Да-а-а! Как же? – удивилась она.

– Думаю, что на почте сохранилась копия перевода в Невьянск.

– Да! Вспомнила! Глеб никогда не видал Аркадия Борисовича без перчаток. Даже в гостинице, ночью...

– Странно. Глеб Матвеевич не интересовался, почему?

– Аркадий Борисович сказал, что у него на нервной почве экзема рук. Это выглядит ужасно, и вот он... в перчатках.

– Повторите, пожалуйста, что вам сказал Глеб Матвеевич второго августа вечером, когда забежал в библиотеку.

– Он сказал: «Знаешь, приехал Аркадий Борисович! У него какая-то большая неприятность, просит помочь, поехать с ним. Воспользуюсь тремя днями отгула, поеду». Я ему говорю: «Ты так рассчитывал на эти три дня, ты хотел поработать над диссертацией...» – «Знаю, – перебил он меня, – я не могу отказать товарищу, когда он во мне нуждается!» И ушел...

– Глеб Матвеевич не рассказывал вам, о чем они говорили с Аркадием Борисовичем? Они же пять дней прожили вместе.

– Нет. Глеб сказал, что он человек большой культуры, и ему непонятно, почему Аркадий Борисович занимается заготовкой кедрового ореха... Что с ним можно говорить о чем угодно.

– Опишите подробнее слоника из яшмы.

– Ой! Неужели вы его найдете? Вы знаете, как Глеб сожалел о пропаже слоника! «Вот, говорил, пропало мое счастье!» Хотите, я вам его нарисую? Я хорошо рисую. – Она взяла лист бумаги и села за маленькое дамское бюро. Рисуя, она поясняла: – Размером пять на восемь сантиметров... Яшма серая, но слева, на бедре задней ноги, – зеленоватая... Бивни выточены из кости, они пожелтели от времени... Глаза непропорционально большие, зрачки гранатовые... Вот, смотрите. – Она положила передо мной рисунок, выполненный хотя и не профессионально, но с хорошим чувством формы.

Здесь же на листке я записал приметы.

– Еще одна просьба: фотография Глеба Якуничева у вас есть?

– Есть... – Она очень неохотно достала из ящичка бюро снимок и, не выпуская из рук, показала.

– Вы не хотите, чтобы я прочел надпись на обороте? – спросил я.

– Да, не хочу. Это написано мне... Только мне! Понимаете... – Она замолчала, видимо подбирая слова, которые наиболее полно выразили бы ее мысль.

– Мне нужна эта фотография на три дня. Даю вам честное слово офицера, что я не стану читать надпись.

– Зачем она вам?

– Надо сделать копию, после чего я верну вам ее в запечатанном конверте.

– Вы даете слово офицера... – сказала она в раздумье.

– Да, слово офицера, – повторил я.

– Хорошо, берите ее...

Положив в бумажник фотографию Якуничева, я спросил:

– Разрешите, Глаша, обращаться к вам по мере надобности?

– Если это будет необходимо...

Она проводила меня до двери, в нерешительности остановилась и сказала:

– Глеб с дороги прислал письмо, просил никому не показывать... Вдруг оно вам поможет...

Девушка открыла бюро и достала конверт, на котором, кроме адреса, я прочел торопливо написанную строчку: «Нашедшего прошу опустить в ящик!»

Волнуясь, я вынул письмо.

«Глаша! Не удивляйся. Пользуясь случаем, пишу в туалете вагона. «Добрый человек» оказался проходимцем. Я его выведу на чистую воду. Вернусь, расскажу – не поверишь. Письмо никому не показывай. Целую. Глеб».

– Как же такое письмо вы от меня скрыли? – не удержался я.

– Глеб просил никому не показывать...

– «Не показывать»! Да разве можно скрывать такое письмо!..

На улице, за углом, в «газике» дожидался капитан Гаев.

– На коне? – спросил Гаев, как только водитель включил скорость.

– Вернее, на слоне! – мрачно сказал я. – На слоне из яшмы!

– Что-то непонятно, Федор Степанович...

– Вот управишься, приедешь в Свердловск, будешь посвящен во все детали. Стрыгин здесь один? – спросил я, как только мы поднялись в кабинет.

– У него два человека. Толковые, с техническим образованием.

– Где он сейчас?

– На станции Зеленая Падь. Стрыгин считает, что среди работников станции и жителей поселка могут быть люди, видевшие Якуничева и с ним неизвестного.

– Мысль правильная, но нельзя ограничиваться Зеленой Падью. Уточнив день отъезда Якуничева, следует охватить поиском и станцию Верхнеславянск, рабочий поселок, железнодорожную бригаду и пассажиров поезда. Включайся в эту работу и ты, Николай Алексеевич. Шире используйте милицию. Кроме того, на почте найди копию денежного перевода в Невьянск, отправленного Якуничевым во второй половине марта, и документ о возвращении перевода за ненахождением адресата. Адрес, имя, отчество и фамилию получателя сообщи мне сегодня же по телефону.

Я очень спешил, водитель чувствовал это и выжимал из машины все, на что она была способна. Если бы Ксения взглянула на спидометр «газика», Вася Машков получил бы хорошую взбучку.

Мне все время казалось, что за время моего отсутствия произошло что-то значительное, и предчувствие меня не обмануло.

Только я открыл дверь кабинета, ко мне бросился старший лейтенант Лунев.

– Наконец-то! Семен Авдеев получил из Берлина посылку! Вот рапорт!

Я прочел:

«10 августа 1967 года.

Вчера поздно вечером Авдеев получил извещение на посылку из Берлина. Утром он отпросился у бригадира, получил на почте хорошо упакованный ящик и вскрыл его в общезащите. В посылке были: пестрый свитер, такая же шапочка с мохнатым помпоном, кашне, темно-вишневые брюки техасского типа с изображением ковбоя, бросающего лассо, на карманах металлические «молнии» и никелированные кнопки. Складной охотничий нож с наборной рукояткой. И несколько десятков цветных открыток с изображением темнокожих женщин в ритуальных плясках.

Авдеев вырядился во все новое и на работу уже не пошел, а гулял по поселку и каждому, кто попадался навстречу, показывал нож и открытки.

Вечером во время возвращения бригады с работы Авдеев был в общезащите.

Дзюба, осмотрев обновы, спросил:

«А за что тебе, Семен, посылка?»

«Стало быть, достоин», – гордо подняв голову ответил Авдеев».

«Колесо закрутилось, – подумал я, – теперь можно ждать развития событий». И спросил у Лунева:

– Полковник у себя?

– Владимир Иванович на докладе у начальника. Полковник оставил вам характеризующие данные на Черноусова и Юколова, они в сейфе.

– Вот что, Евгений Корнеевич, между десятым и двенадцатым марта у Якуничева из камеры хранения Свердловского вокзала был похищен чемодан, в котором находился вот этот редкий сувенир. – Я раскрыл перед ним рисунок Глаши. – Срочно побывайте в уголовном розыске и побеседуйте со всеми следователями. Быть может, кто-нибудь из них при аресте или обыске на квартире вора-рецидивиста видел такого слоника. А я пока просмотрю характеризующие данные.

– Ясно. Можно идти?

– Идите.

Захватив с собой рисунок, Лунев пошел к двери, но задержался.

– При проверке списка пассажиров остались невыясненными семнадцать человек, ими сейчас занимается бригада.

Я открыл сейф, подложил в дело Авдеева последний рапорт и взял характеризующие данные.

«Черноусов Никон Фадеевич, – читал я, – родился в 1903 году в городе Златоусте, в семье преподавателя словесности. Кончил восемь классов, в 1920 году поступил в училище прикладной живописи, бывшее барона Штиглица, в Ленинграде. В 1924 году в связи с ликвидацией училища Черноусов уехал на Урал, где работал преподавателем рисования в школе. В 1929 году он бросает преподавание и занимается прикладной живописью в клубах и красных уголках. Уже в это время он выполняет отдельные заказы церковников, а с 1930 года целиком переходит на иконопись, покупает дом, женится.

В 1941 году Черноусов призван в армию. В бою под Тихвином 27 ноября пропал без вести. В 1945 году в числе военнопленных был освобожден частями нашей армии из лагеря близ Кульма (Западная Германия). До конца 1946 года находился на проверке в специальном лагере.

В 1947 году вернулся в Свердловск и занялся иконописью.

В 1956 году привлекался к ответственности за подделку старинных икон и продажу их через подставное лицо иностранцам.

В 1957 году освобожден по амнистии в честь сорокалетия Советской власти. С 1958 года работает в различных церквях области на реставрации икон и фресок. В Свердловск возвращается только под воскресенье».

С фотографии на меня смотрело сильное, волевое лицо, смахивающее на дьякона. Борода, пышные усы, длинные волосы, выющиеся на концах. Из-под бороды выглядывал бант и пластрон белой рубахи. Темный пиджак с кокетливо торчащим платком из верхнего кармана.

«Если бы Стрыгину и Гаеву удалось найти человека, видевшего их вместе!» – подумал я и открыл вторую папку.

«Юколов Донат Захарович. Родился в 1909 году в Юроте на реке Мезень, Архангельской области, в семье рыболовецкого артельщика. В 1927 году кончил школу в Архангельске, поступил в ученики к живописцу Волошину. В 1940 году переехал в Онегу, женился. В 1941 году был призван, служил на военном тральщике Северного флота, участвовал в боях. Награжден одним орденом и тремя медалями. Демобилизован в звании старшины 2-й статьи. В 1946 году вернулся в Онегу, занимался живописью, работал в клубе художником. В 1958 году во время пожара жена получила тяжелые ожоги и умерла. В 1962 году Юколов переехал в Свердловск,

работал в клубе «Заря» художником. В настоящее время работает над реставрацией иконостаса в церкви.

Член Союза художников, член группкома.

Временно прописан в районе Семь Ключей по улице Байдукова, 11».

И снова на фотографии бородатый мужчина, светлые волосы, доброе, задушевное выражение глаз. Ровно ничем не примечательный человек. Такой мог бы быть и художником, и ученым, и писателем.

В кабинет вошел полковник Шагалов, поздоровался и, увидев в моих руках фотографию Юколова, сказал:

– Этот тихий. Эдакий Христос, шествующий на Голгофу. Ему только тернового венца не хватает. А второй – острый мужик. Да и, признаться, я не очень верю в его военную биографию. Как он вел себя там, в плену, неизвестно. Ведь в лагерь близ Кульма он попал уже под занавес.

– Его проверяли, – напомнил я.

– Народу в лагерях было много...

– Нельзя ли, Владимир Иванович, послать в Онегу запрос на Доната Юколова?

– Почему нельзя? Можно. Пошлем сегодня же. Но, признаться, Юколову я склонен верить. Все-таки воевал, награжден орденом...

– Эти данные, очевидно, из его личного дела в Союзе художников?

– Да. Но в личных делах союза, группкома и клуба «Заря» нет никаких противоречий...

Как у вас в Верхнеславянске?

– Пойдемте к вам, расскажу.

Я запер документы в сейф и вышел вслед за полковником.

Слоник из яшмы

В этот день не произошло ничего значительного, если не считать звонка Гаева из Верхнеславянска. Капитан сообщил, что перевод в семьдесят рублей был сделан Аркадию Борисовичу Юсову по адресу: город Невьянск, Мамина-Сибиряка, 15, квартира 3. Пожалуй, наиболее важным было сообщение от капитана Стрыгина. Наконец-то он напал на свидетеля, видевшего Якуничева и Юсова. Когда железнодорожник, проверяя билеты, вошел в тамбур, они о чем-то спорили. Контролер фонарем осветил лицо бородатого человека в брезентовом плаще, шляпе и очках. Железнодорожник говорит, что легко узнает пассажира по фотографии.

Контролер фонарем осветил лицо бородатого человека в брезентовом плаще, шляпе и очках.

Теперь надо к снимкам Черноусова и Юколова добавить фотографии не менее пяти бородатых граждан и провести опознание. Правда, не очень-то верится в удачу.

На почтамте я заказал телефонный разговор с женой на двенадцать часов ночи из номера гостиницы.

Звонок раздался только во втором часу ночи, после обычной процедуры: «Вы вызывали? Ждите!.. Соединяю... С вами будут говорить!..»

– Федя? – услышал я сонный голос.

– Здравствуй, моя родная!

– Как твои дела?

Я никогда не рассказываю Ксении о моих делах, о них нельзя говорить даже с ней.

Следуют общие слова, которые не хочется повторять.

– Когда ты вернешься? – спрашивает она.

– Трудно сказать, дело затягивается. Думаю, недели через две...

Слышу глубокий вздох сожаления.

– Устал?

– Нет. Прошу тебя, Ксюша, позвони Гаевым, скажи, что Колька жив, здоров, хорошо работает! Он, наверное, не догадается позвонить сам.

Мы говорим обо всем и много. Уже казалось, что на телефонной станции о нас забыли, но чужой женский голос с нотой сожаления – эта женщина слушала наш диалог – сказал: «Ваше время истекло».

После разговора с Ксюшей я достал ее карточку и поставил на ночной столик.

Утром меня разбудил стук. Просыпаюсь, недоумевая: неужели вернулся Гаев? Это его условный стук. Смотрю на часы – семь пятнадцать.

Босой, в одних трусах, подхожу к двери и поворачиваю ключ. Входит... кто бы вы думали? Женя Лунев! Откуда же он знает этот условный стук?

Понимая мой молчаливый вопрос, Лунев торопливо говорит:

– Капитан Гаев, когда я отправлял его в Верхнеславянск, рассказал об условном стуке.

Лунев улыбается так искренне, так просто, что нет сил выругать его за раннее вторжение. Он словно читает мои мысли, потому что вдруг говорит:

– Я бы не решился так рано, но... Федор Степанович, нашелся слоник из яшмы!

– Да ну! Вот хорошо! Садитесь, Женя, сюда. – Я пододвинул ему кресло, а сам стал одеваться. – Расскажите подробно.

– По вашему поручению я и еще один сотрудник беседовали со всеми следователями – ничего. Вдруг один говорит, что ему, кажется, Игорь Трапезников что-то рассказывал о таком слонике из яшмы. Но Трапезникова нет, он поехал в тюрьму на допрос подследственного. Забежал в управление, взял машину, поехал в тюрьму. На полпути встречаю милиционерскую «Волгу», смотрю – точно, капитан Трапезников! Показываю ему рисунок. – «Видели такой?» –

«Видел, – отвечает. – В рабочем поселке Верх-Исетского завода есть такая Люба Цветаева, знатный токарь. Вот у нее на комодке возле зеркала в форме сердца стоит этот слоник из яшмы, подаренный ей непутевым Вадькой». Рассказываю ему, что к чему, а он ни в какую. Говорит: «Засыпаю на ходу. Завтра в восемь часов утра буду как штык в управлении».

Лунев показал мне циферблат часов. Было семь тридцать.

– Вы на машине? – спросил я.

– На «газике» с Машковым! – улыбаясь, ответил он. Лунев взял фотографию Ксении и уважительно сказал: – Жена.

Спрятав фотографию в бумажник, я достал снимок Якуничева.

– Евгений Корнеевич, вот фотография. На обороте надпись, так вы ее не читайте. Не для нас с вами она писана. Смотрите, я слово дал. Закажите копию, в личном деле старая карточка оказалась, пусть сделают при вас и сейчас же заберите оригинал.

– Ясно.

Капитан Трапезников не заставил себя ждать: ровно в восемь раздался стук в дверь. Лунев взглянул на часы и, улыбаясь, сказал:

– Вот чертяка! Небось время выжидал под дверью!

В кабинет вошел человек баскетбольного роста, в хорошо пригнанной и опрятной форме. Стриженный бобриком, в очках, сильно увеличивающих глаза.

– Капитан милиции, старший следователь Трапезников! – представился он.

– Прошу садиться.

– Разрешите курить?

– Курите. Как ваше имя, отчество?

– Игорь Емельянович. – Он вынул из пачки «беломорину», закурил.

– Вы обещали нам подробно рассказать, где и при каких обстоятельствах вам повстречался слоник из серой яшмы.

– Подробно?

– Насколько возможно, – сказал я.

– Восемнадцатого мая ко мне в кабинет вошла женщина лет двадцати пяти. Рыжеватые волосы заплетены в косы и уложены короной вокруг головы. Темные глаза, яркие губы – словом, интересная женщина. Спрашивает: «Вы капитан Трапезников?» – «Да». – «Сдружилась я с одним человеком, поверила ему. Хочу, чтобы он со мной на одном заводе работал. Фрезеровщик пятого разряда. Золотые руки. Не берут. У него две судимости. Пусть, говорят, милиция за него поручится...» – «А кто вас ко мне направил?» – спрашиваю. «Он сам меня к вам послал, говорит, вы его крестный». – «Где он сейчас?» – «У вас в приемной». Подхожу к двери, открываю, сидит в скромной позе мой «крестник» Вадька Тарасов по кличке «Фикса». Я действительно год назад вел следствие по делу Тарасова о краже бумажника. «Заходи!» – говорю. Зашел он в кабинет, сел. Поговорили по душам. Клянется. Говорит, что любит эту женщину и хочет работать, честно. Завязал навсегда! И знаете, я поверил. Поехал на завод, договорился с отделом кадров. К парторгу ходил. Взяли. Прошел месяц. Звоню начальнику цеха. Говорит, что отличный работник. Норму выполняет на сто. Не пьет. Дисциплинирован. Словом, спасибо. Я не отступаю, дней через двадцать звоню опять. Все хорошо, норму выполняет на сто. Простите, я отвлекусь, – сказал Трапезников и, прикурив погасшую папиросу, сделал несколько торопливых затяжек. – В ближайшее воскресенье, – продолжал он, – выпало мне дежурство. Сижу, решаю в «Огоньке» кроссворд. Вдруг вводит дежурный милиционер «Фиксу» и пострадавшую, эдакую фифу на таких каблуках, – он показал размер каблуков, – рассказывает, как было дело. Зашла она в комиссионный сдать английский вязанный костюм. Ей предложили мало. Она вышла из магазина, и ее нагнал этот бандит. «Разрешите, говорит, посмотреть костюм, он подойдет жене». Фифа эта вошла с ним в ворота, он выхватил у нее сумку и бежал через проходной двор. «Гражданин капитан, – поднимается «Фикса», – можно сказать вам два слова,

только с глазу на глаз?» Отвел я его в изолятор, сели на нары. «Можете мне верить, я завязал накрепко, – говорит он, – на всю жизнь! А получилось так. Встретился старый дружок, говорит: «Зайдем в комиссионный, мне нужно сдать шмотки». Почему не зайти, думаю, зашли. Впереди перед нами стоит эта гражданочка, разворачивает свой товар. А я смотрю и в этом шикарном костюме Любашу вижу. И я не понимаю, как все это случилось!.. Я же запросто мог купить этот костюм! Я вчера получил получку, и Люба свои отдала, говорит: «Ты хозяин!» Вернулись мы в дежурку. Написал я протокол и спрашиваю гражданку: «Вы не оставили костюм на комиссию потому, что его недостаточно оценили? Сколько, вы считаете, он стоит?» – «Сто пятьдесят», – говорит. Обращаюсь к Вадиму: «Есть у тебя сто пятьдесят?» Он полез в карман, вынул деньги, посчитал – сто сорок. Я их пересчитал, незаметно подложил десятку, передал деньги женщине: «Считайте, говорю, что костюм вы продали выгодно, он таких денег не стоит. Что касается этого человека, его фамилия Тарасов, то за попытку кражи он понесет наказание». Поехал я с Вадимом к Любе. При мне вручил он ей подарок. Здесь в этой комнате на комоде увидел я слоника из яшмы. Он стоит рядом с зеркалом. Я спросил Любу, откуда эта вещь. Она ответила, что подарил ей Вадим на счастье. Я взглянул на Вадима. Он, словно оправдываясь, сказал, что купил на рынке с рук. Тут я предупредил Любу, что за Тарасовым есть долг, надо парню отбыть дополнительный срок... Она онемела от горя, закусила губу до крови. Вадим подошел ко мне, в глаза не смотрит, притронулся к рукаву и говорит: «Оставьте нас вдвоем на полчаса. Вы не думайте, не сбегу. Во дворе у нас есть лавочка, так вы там посидите». И что вы думаете, я вышел из комнаты и сорок минут сидел на скамейке. Со двора я его прямо отвез в уголовный розыск, оформил возбуждение уголовного дела. Два раза ездил в тюрьму, оба раза заходил к Любе за передачей. Слоник стоит все там же, на комоде. Он серый, с левой стороны зеленоватый, бивни из кости желтоватые, глаза гранатовые.

– Как его полностью? – спросил я.

Капитан меня понял.

– Вадим Нефедович Тарасов. Родился в 1939 году на Брянщине. В сорок втором году прибыл в Свердловск с эшелоном эвакуированных детей. Родители, надо полагать, погибли.

– Вы считаете, что Тарасову можно доверять?

– Смотря что.

– А если действовать через Любу?

– Тогда можно. Очень он ее любит и ребенка...

– Какого ребенка?

– Был у нее первый... Ну, ошиблась она... Родилась девочка Маринка. Полтора года. К Вадиму привязалась девчонка так, что не оттащишь...

– Мне бы хотелось, Игорь Емельянович, съездить с вами к Любе, а затем к Тарасову.

– Что ж, можно. Только я человек служивый, договоритесь с начальством.

– С точки зрения дисциплины, Игорь Емельянович, вы позволили себе много, но с человеческой позиции все правильно. Закон писан для людей и во имя людей. Это у нас, к сожалению, до сих пор не все понимают. Быть может, пройдет не так уж много времени, и Вадим Тарасов станет уважаемым человеком в городе. Это будет ваша заслуга.

– Скажите, товарищ майор, вот вы хотите поехать к Любе Цветаевой, а не могли бы вы разъяснить мне вашу задачу?

Я посвятил капитана Трапезникова в свой план и договорился, что в шесть часов заеду за ним в уголовный розыск.

Ждать звонка из Верхнеславянска остался Лунев.

Ровно в шесть я подъехал на «газике» к уголовному розыску. Капитан сел в машину и дал адрес Машкову.

– Как думаете, капитан, мы застанем ее дома? – спросил я.

– Сегодня Люба оставит ребенка в яслях и с полшестого будет дома.

– Почему она оставит ребенка? Вы что, предупредили ее?

– Да. В обеденный перерыв я ездил на завод.

– Почему? – Я был удивлен.

– Считал, что имею на это моральное право. Кроме того, она должна была знать, что ребенка не следует брать домой.

Я внимательно посмотрел на Трапезникова: конечно, он был прав.

Люба нас встретила в новом английском костюме, причесанная, надушенная. Где-то она раздобыла фрукты и купила несколько банок сгущенного молока.

Заметив мой взгляд, она сказала.

– Вадим очень любит сгущенку, прямо так, на хлеб.

– Вот что, Люба, – я взял слоника, – мы эту вещицу захватим с собой.

Она молча кивнула.

– Я разговаривал с начальником об изменении меры пресечения, так или иначе завтра мы возьмем у него подписку о невыезде и привезем Тарасова в город. Вадим заедет к вам.

Мы ехали молча. Каждый из нас был погружен в свои мысли. Я обдумывал предстоящую встречу и не заметил, как Машков затормозил возле ворот. Люба осталась в машине, а мы миновали вахту, поднялись на второй этаж и вошли в следственную камеру, где нас уже ждал Тарасов. Он выглядел моложе своих лет, все-таки парню было тридцать. Его светлые волосы вились, непокорная прядь спадала на лоб. Темные, сросшиеся на переносье брови выгодно оттеняли ясные глаза. В нем было что-то озорное и самобытное. Одет он в модные узкие брюки, светлую, относительно чистую рубашку и куртку под замшу на «молнии». В верхнем кармане куртки явно дамский платок.

Поздоровались, сели за стол. Я предложил ему место напротив. Тарасов опустился на табурет.

– У меня к вам, Тарасов, серьезное дело, – начал я. – Опасный политический преступник скрывается в этих местах. Мы напали на его след, но хотелось бы ускорить ход событий. Вы должны помочь.

– Я? Вы, наверное, ошибаетесь... – Тарасов взглянул на капитана, словно ища поддержки.

– Посмотрите, Тарасов, на этого слоника. – Я вынул его из кармана и поставил на стол. – Вы помните, как он вам достался?

– Ну, помню... – Смущенный неожиданностью, глядя в пол, он продолжал: – Купил с рук на базаре... Старичок продавал с бородкой, в очках, на переносье перевязанные тряпицей... Такой... в брезентовом плаще и шляпе...

– Наружность вы, Тарасов, описали правильно, только он не продавал этого слоника. Я понимаю ход ваших мыслей: ну вот, думаете вы, еще одно старое дело и новый срок!

Тарасов взглянул на меня, и я понял, что защитная реакция в нем еще сильна.

– Этого слоника я купил на базаре с рук, – повторил он упрямо.

– Вы поможете нам выйти на этого старика?

Тарасов молчал. К лицу его прилила кровь, и на висках, нервно пульсируя, вздулись жилки.

– Я купил слоника на базаре! Скажите же ему, Игорь Емельянович!

– Вадим, ты врешь, – спокойно произнес Трапезников. – Помнишь, там, у Любы, ты говорил правду, я поверил тебе и сорок минут сидел на скамейке... Сейчас ты врешь.

Наступила пауза длительная и гнетущая.

– Ну как, как я могу вам помочь застукать пахана? – Но, спохватившись, поправился: – Старика.

– Завтра мы за тобой заедем, – сказал я. – Сначала ты расскажешь нам все, что тебе известно, затем отвезем тебя к Любе, поживешь у нее. Ты будешь ходить по городу в тех местах, где вы с ним встречались. Как только ты увидишь его...

– Нет! Ничего не было! Не было! Не было!..

– Вадим, без истерики! – перебил его Трапезников.

Тяжело, когда такой здоровый, сильный человек плачет. Трудно было и капитану, он подошел к Вадиму.

– Возьми себя в руки, а то разнюнился, как сморчок... Мы сейчас приведем к тебе Любу, она приехала с нами. Смотри, Вадька, будь с ней поласковой, и так ей горько...

Мы вернулись к «газику».

Капитан помог Любе выйти из машины, подал ей пакет с передачей и проводил через вахту.

Мы сидели долго в полном молчании. Наконец капитан Трапезников не выдержал, вылез из «газика», сказав:

– Пройдусь немного... – и скрылся в подорожном ельнике.

Видимо чувствуя напряжение этого ожидания, преодолевая неловкость, Машков спросил:

– Это жена его?

– Да, жена, – ответил я.

– Ничего из себя, видная... – сказал Машков, и снова наступило молчание.

Где-то из-за решетки жидкий и хриплый тенорок затянул песню.

Не для меня приде-о-о-т весна, Не для меня Дон разолье-о-о-т-ся...

Наконец вернулся Трапезников, неся в фуражке десяток грибов с аккуратно обрезанными ножками.

– Смотрите, Федор Степанович, – сказал он, высыпая из фуражки на сиденье грибы, – какие ядреные рыжики! Смотрите! – Он выбрал гриб покрупнее и поднес его ближе. – А пахнут как! – Он шумно втянул в себя воздух. – Сосной! Мхами! Можжевельником! Нет; что ни говорите, красивое дело – грибная охота!

В это время появилась Люба Цветаева, открыла дверцу машины, положила свой пакет меж сидений и сказала:

– Вадим завтра вас ждет. – А передачу что же? – спросил Трапезников.

– А передачу? – повторила она. – «Яблоки, сказал, отдай Маришке. А сгущенку отнеси домой, я завтра приеду – сожру банку!» Так и сказал: «Сожру целую банку!..»

Следственный эксперимент

Я тщательно готовился к встрече с Вадимом Тарасовым, для меня он был первым свидетелем, который общался с Юсовым и мог опознать его по фотографии.

Раньше времени из Верхнеславянска звонил Гаев. Им удалось обнаружить еще трех свидетелей.

В минуту раздумья постучал в стенку Шагалов – вызывала Москва.

– Федор Степанович! – Я сразу узнал голос полковника Каширина. – Здравствуй, старина! Сегодня авиа выслали тебе материалы, фотографии, списки руководства, описание интервьюера. Кроме того, я послал тебе несколько книжек, они могут быть полезны. Будь осторожен. У тебя вопросы есть?

– Прошу ускорить ответ на наш запрос в Онеге!

– Записал. Все?

– Как будто все.

– Подумай.

– Сегодня мы направим запрос на проверку Черноусова по материалам трофейного архива СД. Очень прошу, Сергей Васильевич, ускорить.

– Все?

– Теперь все.

– Желаю удачи! Жму руку!

Полковник Шагалов слышал мой разговор с Кашириным.

– Вот увидите, Тарасов опознает Черноусова... – сказал он.

– Но может и не признать его ни в одном из предложенных снимков.

– Почему?

– Он видел Юсова в брезентовом плаще, шляпе и в очках, у нас же на фотографиях люди хоть и с бородой, но без верхней одежды и очков, кроме одного, я не знаю, кто это...

– Покажите.

Я достал из кармана фотографии бородачей и показал человека в плаще и шляпе.

– Это начальник геологической партии «Уралзолото», один из самых уважаемых людей в городе – Ивакин Петр Валерьянович.

– Времени осталось немного, увидим. К вам просьба, Владимир Иванович: позвоните в отдел культуры, попросите срочно принять нас, а я пойду к себе.

Когда я вернулся к себе, меня уже ждал старший лейтенант Лунев.

– Товарищ майор, проверку авиапассажиров закончили. – Он вынул из планшета блокнот. – Осталось два человека, которых никто не знает. Второго мая из Свердловска в Москву первым рейсом вылетел Рубцов Г. И., а третьего из Москвы вторым рейсом – Юрков И. Г. Теперь мы установим бортпроводниц этих самолетов и пригласим их на беседу. Думаю, что удастся выяснить, одно это лицо или два.

На чистом листе бумаги я написал:

«1. Родионов Богдан Т.

2. Рубцов Г. И.

3. Юсов Аркадий Борисович.

4. Юрков И. Г.».

– Посмотрите, Евгений Корнеевич.

Положив локти на стол, Лунев взял в руки листок и улыбнулся.

– Интере-е-сно получается!.. Он псевдонимы выбирает на две буквы: «Р» и «Ю». Какой-то странный педантизм!

– Обобщение делать рано, еще не беседовали с бортпроводницами, но в чем-то вы правы. Все это наводит на размышления. Так и хочется назвать пятого...

– Пятого? Кого же?..

Постучав, в кабинет вошел капитан Трапезников, поздоровался и сказал:

– Привез вам Тарасова. Настроение у парня боевое. Люба ему так и сказала: «Возвращайся домой чистый, без груза прошлого!»

– Давайте его, Игорь Емельянович!

Трапезников вышел из кабинета, а Лунев встал подальше и отвернул портьеру, словно сейчас его больше всего интересовал открывшийся из окна городской пейзаж.

Вошел капитан с Тарасовым. Парень поздоровался, подошел к столу и, неловко перебирая борт куртки, выжидательно на меня уставился.

Трапезников с Луневым уселись в дальнем углу и, не обращая на нас внимания, на полтонах затеяли какой-то разговор.

– Садитесь, Тарасов. – Я указал ему на стул. – Нас интересует ваше знакомство с Юсовым, кража бумажника и чемодана. Словом, расскажите все, не опуская ни одной мелочи. – Я включил магнитофон. – Сперва, Тарасов, кратко ваши анкетные данные.

– Тарасов Вадим Нефедович. Родился в 1939 году на Брянщине. Родителей не знаю. Воспитывался в свердловском детдоме. Кончил пять классов школы и училище фабрично-заводского обучения. Получил квалификацию фрезеровщика. Работал на заводе... Потом вожжа под хвост попала и пошел под уклон на полусогнутых...

Нервно, парень неистово тер нос рукой, другого платка у него не оказалось, а торчащий из верхнего кармана, видимо, был дорог ему как память.

– Достаточно, Тарасов. Переходите к интересующему нас вопросу.

– Слышал я разговор двух женщин, кажется, это было в начале апреля. Одна; которая помоложе, жаловалась на детей: мол, нет в них никакой благодарности; растишь их, ходишь за ними, а встанут на ноги, и ты для них все равно что отрезанный ломоть. А другая ей говорит, что бывают разные дети. Вот у них живут квартиранты, старые люди, приехал к ним сын, служит капитаном в бухте Нагаева, так он привез полный карман денег, чтобы купить старикам в кооперативном доме квартиру...

Тарасов попросил разрешения напиться, налил из графина стакан воды, выпил залпом, вынул из верхнего кармана платок и вытер губы. Затем на столе разгладил его ребром ладони, тщательно сложил и заправил в карман. Мне запомнился морской пейзаж на платке, многоцветная радуга и белый парус.

– Проводил я до дома старушку, – продолжал он, – дождался капитана из бухты Нагаева. Ходил за ним по городу весь день. Все хотел ему помочь деньги истратить, нет, не светит, но вижу: деньги он носит при себе. На второй день идет капитан в гастроном, я за ним, стою и к нему приглядываюсь. Вдруг замечаю на себе колючий взгляд – мужик в брезентовом плаще, шляпе и очках, тряпичей на переносье перевязанных, смотрит за мной, зенки не спускает. Чего, думаю, ему надо? Куда я – туда и он. Прилип как банный лист. Подходит для меня важная минута, капитан через головы людей протягивает руки за покупками, а пиджак на нем оттопыривается и лопатник запросто уголок показывает. Обернулся я, смотрю, мужик в очках исчез. Я – раз!.. Да мимо! Капитан кричит громким голосом: «Держи вора!» Я – к двери. Выскочил на улицу. У самого края стоит заведенный черный «Москвич», дверца открыта, и давешний мужик мне машет рукой в черной перчатке. Я бросился на сиденье, машина – ходу. Капитан выскочил на улицу, кричит: «Вот он! Держи его!» И за нами. Добежал до такси, что-то кричит и в нашу сторону показывает. Куда мы едем, не знаю, поначалу я все через заднее стекло смотрел, догонит или нет. Потом говорю, больше про себя; «Номер бы не записали». А пахан мне спокойно: «У меня этих номеров в багажнике десятков!» Отдышался я, стал понемногу в себя приходить, глянул вперед – мать честная, куда мы едем? Хотя я здесь более двадцати лет про-

жил, место мне незнакомое. Останавливаемся возле глухого забора, у ворот. Пахан выходит, своим ключом открывает калитку, мы входим во двор. Большой пес на цепи признал пахана, поприветствовал. Подошли к крыльцу, поднялись по ступенькам. Он из-за притолоки достал согнутую и на конце расплюснутую толстую проволоку. Сунул ее в отверстие, нащупал концом задвижку и повернул. Через кухню мы прошли в комнату. На стене висят два портрета в дубовых рамах. На одном усатый гражданин в старомодном пиджаке, на другом толстая женщина, невестой одета. На столе ведерный самовар. Стулья с высокими спинками, кожей обиты. Диван со спинкой. Пахан говорит мне: «Я поставлю в сарай машину, вернусь, постучу в окно, ты мне откроешь». Я пошел за ним на кухню, задвинул засов. Потом он вернулся. Ни плаща, ни шляпы не снимает, очки тем более. Поставил пахан на плитку еду, а руки в перчатках, на стол пол-литра, сгонял меня в погреб, лаз из кухни, достать из бочки соленых груздей. Сели мы за стол. Он больше мне наливает, а сам пригубит, и все. Говорю: «Как же, пахан, звать тебя?» – «Паханом назвал, паханом зови!» – отвечает. Разговор у нас не получается, молчит старик как сын. Поел я картошки со свиной тушенкой, выпил, закусил солеными груздями. Он говорит: «Ложись на диване. Разбужу рано, дело есть. Для надобности в углу ведро». Сказал и из комнаты вышел. Слышу: в двери щелкнул замок. На кухне он еще чем-то погромел и затих. Я прилепился к окну, долго стоял, но во двор пахан не выходил. «Смешно, думаю, вроде я под арестом!» Дернул раму, окно открывается. «Порядок, – подумал я. – В случае чего, уйду через окно, пес на привязи, не достанет». И лег на диван. Проснулся я оттого, что старик поднял меня за плечи и посадил. Вышел я на кухню, умылся. Ходики показывали восьмой час. Пахан поджарил сало и залил яйцами. На другой плитке бухтел кофейник. Поели мы, выпили кофе со сгущенкой. Он говорит: «Слушай меня внимательно. Если бы не я, ты бы нюхал хлорку в тюремном нужнике. Ты мне обязан и должен со мной рассчитаться. Сейчас мы поедем с тобой на бан...»

– Старик так и сказал «на бан»? – прервал я Тарасова.

– Нет, он сказал «на вокзал». «Из Верхнеславянска, – продолжал он, – в девять тридцать приходит поезд. Я тебе покажу человека, он прибывает этим составом, ты вытащишь у него бумажник. Мне нужны документы, остальное твое, кроме того, получишь еще двести рублей. Я буду тебя дожидаться в пивной на площади. Согласен?» Что ж, думаю, дело подходящее, согласился. На вокзал мы ехали двумя автобусами, с пересадкой. Вышли на платформу. Пахан вроде читал газету. Через двадцать минут пришел поезд. «Вот он!» – говорит. Смотрю, парень лет тридцати, шляпа, в руке чемодан. Я за ним. Он в камеру хранения, сдал чемодан, бирку в бумажник, а бумажник в задний карман и бегом на автобусную стоянку. Народу – что людей! Подошла машина. Давка. Я его сзади подпираю, кричу: «Проходите вперед!» – и увел бумажник. Он влез на верхнюю ступеньку, пять мне протягивает и кричит: «Товарищ, давайте руку! Уместимся!» – «Спасибо, отвечаю, я подожду другого!» И – в пивную. Пахан занял угловой столик, потягивает пиво. Усы в пене, для меня стоит налитая кружка. Я сел, отпил глоток, под столом пульнул ему бумажник. Старик быстро посмотрел его, вытащил паспорт, военный билет, заводской пропуск и жетон. «Что это? – говорит. – Он сдал чемодан на хранение?» – «Я сам видел», – отвечаю. «Возьми жетон и получи чемодан. Его фамилия Якуничев. За чемодан доплачиваю еще двести рублей». Смешно мне стало, деньги у него легкие, столько монет ни за понюх табаку! Принес я чемодан. Пахан открыл в ножичке шильце, ковырнул, поднял крышку, поглядел, что в нем, достал тетрадку, перелистал. Вижу, доволен. Опустил в чемодан четыре сотни и говорит: «Чемодан твой, бери его. Помни: я тебя не знаю, ты меня не знаешь». Встал и ушел. За пиво было заплачено. Я пошел на базар, разыскал барыгу и сбыл ему чемодан по дешевке. Были в нем еще четыре десятки, две по двадцать пять, я взял их и слоненка. На такси поехал в сторону Верх-Исетского завода, в том районе у меня жил корешок, я решил с ним выпить по случаю удачи. И вот тут начинается главное...

...Поднял крышку, поглядел, что в нем, достал тетрадку...

– Главное? – переспросил я.

– Да, для меня главное. До вечера я проканителлся у своего корешка. В шестом часу вечера иду через сквер. Впереди меня женщина несет ребенка. Девочка через ее плечо перегнулась и со мной на своем ребячьем языке калякает. Потом женщина остановилась и говорит: «Ой, Маришка, устала я. Посиди немного». Она опустила ребенка на скамейку, а девочка в слезы. Я к ним подошел и говорю: «Разрешите, я ее понесу?» А она: «Маришка к чужим совсем не идет». Я взял девочку и поднял высоко-высоко. Она смеется. «Вот, говорю, стало быть, я ей не чужой». И мы пошли по скверу, потом остановились возле дома. «Здесь, говорит, мы живем. Прощайся, Мариша, с дядей». А девчурка в слезы. «Раз такое дело, – она пожалала плечами, – зайдите в дом». Я зашел. После того дня я много раз заходил в этот дом, а один раз зашел и остался. Это была Люба, Любушка. Она мне сказала, что через меня увидела свет! Что солнышком я ей в жизни блеснул. Ну, а про меня говорить нечего, такая мне открылась необыкновенная любовь, что слов рассказать нету!..

Я выключил магнитофон и спросил:

– Вы могли бы, Тарасов, по фотографии опознать человека, у которого на вокзальной площади вытащили бумажник?

– А почему нет, могу.

Я достал шесть фотографий довольно схожих между собой молодых людей и разложил перед ним на столе.

Тарасов внимательно посмотрел все шесть, затем вернулся к четвертой, взял ее в руку и сказал:

– Вот этот Якуничев.

– Евгений Корнеевич, оформите протоколом, – поручил я Луневу.

Пока старший лейтенант писал протокол, я позвонил в гараж и заказал машину. У Трапезникова был очень довольный вид. Он подошел к окну, закурил и, выпуская дым в открытую форточку, одобрительно поглядывал на Тарасова.

После того как протокол был подписан, я сказал Тарасову:

– Вы должны опознать старика. Не торопитесь, будьте особенно внимательны.

Я собрал со стола фотографии молодых и разложил перед ним снимки бородачей. Тарасов подошел к столу. Сперва парень окинул взглядом все семь. Потом взял в руку фотографию Черноусова, взглянул на капитана, словно ища у него поддержки, положил снимок на стол, сказав как бы про себя:

– Не тот... Нет, не тот...

Он долго смотрел все снимки, затем взял один – «всеми уважаемого человека в городе».

– По всем статьям подходит, – сказал, но не очень уверенно. – Нет, это пахан. Определенно он! – повторил Тарасов уже совершенно твердо.

Лунев отвел нас в угол кабинета и тихо сказал:

– Эту фотографию я взял при таких обстоятельствах: Ивакин в начале июня ездил в Москву. Проверяя его по списку, я вспомнил о его бороде. Подумав, что он нам подходит для опознания, я спросил, нет ли у него фотографии. «Есть любительская», – сказал он и дал мне этот снимок.

– Оформляйте протоколом! – сказал я и вышел к полковнику Шагалову.

– Ну что? – спросил тот.

– Тарасов опознал главного геолога «Уралзолота» Ивакина.

– Что он, с ума сошел?

– Говорит, что это и есть пахан!

– Как вы предполагали, его мог сбить с толку брезентовый плащ, шляпа, очки...

– Лунев говорит, что Ивакин в начале июня летал в Москву.

– У него брат живет в Москве, работает в министерстве...

– Не знаю...

– Что думаете делать?

– Подумаем. Простите, Владимир Иванович, Тарасов еще у меня в кабинете.

Когда я вернулся, опознание было оформлено протоколом и подписано.

– Вот что, Евгений Корнеевич, возьмите легковую машину, она стоит у подъезда, посадите в нее Тарасова и поезжайте к гастроному, о котором он говорил. Начнем все от печки. Поставьте машину возле магазина. Тарасов сядет рядом с водителем, и вы на скорости ежайте вперед. Так, меняя направление, начинайте несколько раз от магазина, пока не попадете на дом, где ночевал Вадим. После окончания этого эксперимента вы отвезете его к Цветаевой. Завтра утром мы уточним кое-что здесь и начнем эксперимент сначала.

Раздался стук в стену. Это опять меня вызывал Шагалов.

– Федор Степанович, я договорился с отделом культуры. Александр Владимирович может нас принять, поедem?

– Я готов.

В приемной нас встретила маленькая, очень подвижная женщина с молодыми, яркими глазами и седой головой.

– Здравствуйте, Ильинична! – поздоровался Шагалов.

– Александр Владимирович просит вас пройти в кабинет, – сказала она, открыв перед нами дверь.

Начальник отдела культуры поднялся нам навстречу и, здороваясь, сказал.

– Садитесь, пожалуйста.

Мы устроились в креслах возле журнального столика.

Начальник отдела культуры был приветливый человек со следами пластической операции на лице, в очках с толстыми стеклами. Говорят, в войну он командовал танковым подразделением, и его, обгоревшего, вытащили бойцы из люка. Он прямо приступил к делу.

– Не буду обременять вопросами, – сказал он. – Вас зовут Федор Степанович. Полковник Шагалов поставил меня в известность. Сделаем так. Мы сейчас проводим по городу инвентаризацию частных домовладений. Архитектор Кержавин предупрежден, и вы войдете в комиссию. По части знакомства с реставрационными работами в церкви Всех Скорбящих у вас положение тоже вполне легальное.

По возвращении я застал в своем кабинете капитана Гаева.

– Привет, Федор Степанович! – Он торопливо пожал руку.

– Садись, Николай Алексеевич, рассказывай, что за свидетели появились еще?

– Одного нашел я. Это женщина, продающая пиво в ларьке возле вокзала. Она рассказывает, что восьмого числа, около семи часов вечера, к ларьку подошел бородастый человек в брезентовом плаще, шляпе, очках и заказал две кружки пива. Он взял кружку, рука его была в перчатке, сдул пену и стал прихлебывать маленькими глотками. В это время со стороны поселка подошел Якуничев, его она знала, он выпил вторую кружку и, сказав: «Я пошел за билетами», ушел в сторону вокзала. Старик допил кружку, расплатился и направился в ту же сторону.

– А почему она запомнила, что это было восьмого августа?

– Потому что по понедельникам с утренним поездом у нее забирают бочкотару, а в этот понедельник, восьмого, за бочками с утра не приехали. Когда этот бородач подошел к ларьку, она приняла его за экспедитора, тот ходит в брезентовом плаще.

– Так, а второй?

– Этого свидетеля обнаружил капитан Стрыгин. Женщина из поселка Зеленая Падь шла к десятичасовому поезду и вдруг в распадке возле ручья увидела чужого человека с бородой, в брезентовом плаще и шляпе. Он сидел на корточках у ручья и мыл руки. Луна вышла из

облаков и ярко осветила бородача. Эта женщина и после видела чужака на платформе перед приходом поезда на Свердловск.

– Третий?

– Пожалуй, третий заслуживает особого внимания. Это контролер дороги Сударушкин Иван Иванович. Он говорил, что хорошо запомнил старика и по фотографии его опознает. Встреча с Сударушкиным состоялась в кабинете Стрыгина сегодня в семь утра. Среднего роста, с темными усами, спокойный человек. Пришел разодетый, словно на свадьбу. Сударышкин рассказал: «Когда я вошел в тамбур, то увидел двоих мужчин: старого и молодого, которые громко и сердито разговаривали. Я подошел ближе, подсветил фонарем. Молодой предъявил проездные билеты. «Порядок», – сказал я и перешел в другой вагон». Сударышкин внимательно рассматривал фотографии и остановился на этой... – Гаев положил на стол снимок главного геолога «Уралзолото» Ивакина.

– Странно. Тарасов также опознал эту фотографию. Быть может, их обоих дезориентировали брезентовый плащ и шляпа?

– Но Сударышкин легко опознал инженера Якуничева.

– Здесь труднее, больше общих примет: брезентовый плащ, шляпа, борода, очки... Хорошо, мы проверим Ивакина и уточним его алиби. Протоколы опознания привезешь мне. Я тебе дам конверт с фотографией Якуничева, передай его Глаше Богачевой. На словах скажи: слоник из яшмы нашелся, но об этом поговорим при встрече. – Я достал из стола конверт. – Извини, Николай Алексеевич, конверт запечатан. Так мы условились. – Я проводил его до дверей и пожелал счастливого пути.

Вернувшись к столу, я просмотрел последний рапорт наблюдения за Авдеевым – ничего нового, парень осваивал свои джинсы. Затем я перемотал катушку с звукозаписью Тарасова и включил воспроизведение. Внимательно прослушал дважды. Выписал отдельно рассказ Вадима о доме, где он провел ночь.

В это время раздался телефонный звонок. Начальник экспедиции сообщил, что на мое имя получен пакет из Москвы. Я спустился вниз, расписался в получении и в кабинете вскрыл пакет. Здесь были документы, перечисленные Кашириным, и книги: «Новгород Великий» М. Крагера, Г. Логвина, «Вологда» А. Кириллова, «Ферапонтово и Белозерск» Г. Бочарова и В. Выголова, «От Валдая до Старицы» О. Балдина. Раскрыв одну из книг на странице, где описывался иконостас Успенского собора, я так увлекся, что не заметил, как прошло время и вернулся Лунев.

– Тарасова сдал Любе. Следственный эксперимент, Федор Степанович, прошел удачно...

– Садитесь, Женя, рассказывайте.

Лунев положил на стол планшет и показал мне грубо начерченную схему их поездок.

– Вот так мы двигались. От гастронома, видите? Сперва мы поехали так, это одна из наших главных улиц, называть вам улицы не буду, чтобы не заморочить голову. Поехали так, затем так. «Заблудились!» – сказал Тарасов.

Мы вернулись к магазину. Снова поехали и на этой развилочке взяли другую сторону и заехали черт те куда. Тарасов вылез, поглядел. «Нет, говорит, давайте сначала!» Поехали опять к печке. На этот раз угодили в тупик, называется Клевцов. По одну сторону тупика четыре дома, ворота, по другую тянется забор. Тарасов сразу подошел к кованым воротам. Пес за воротами нас учуял, забрежал, гремя цепью. Вадим заглянул в щель, говорит: «Вроде пес тот и крыльцо то же». Больше мы не ездили. Отвезли Тарасова к Любе Цветаевой и заехали в милицию. Нашел участкового. Говорит, что Клевцов тупик знает мало, работает участковым в этом районе с первого августа. До него там был старшина Валиев, его перевели на другой участок. Я записал, сегодня же разыщу. Узнал, что в этом доме живет Казимир Засимович Ежов, вдовец, заведующий мясной секцией в магазине. Что в прошлом он занимался торговлей мясом

на базаре. Ездил по деревням, покупал убойный скот и втридорога продавал на рынке. Когда поприжали его, бросил собственную торговлю и поступил продавцом, теперь заведующий.

– Так, Женя. Повидайте прежнего участкового, спросите, был ли он в доме Ежова. Если был, как выглядят комнаты. Вот возьмите записанное со слов Тарасова. И вот еще что: не откладывая в долгий ящик, установите наблюдение за домами Ежова в тупике Клевцова и по улице Красных Зорь, где живет Цветаева.

– Вы считаете, что Тарасов может оторваться? – с вспыхнувшим интересом спросил Лунев.

– Нет, Женя, не считаю. И прошу вас без блатных словечек. Просто, движимый самыми лучшими побуждениями, желая помочь нам, парень может решиться на рискованный шаг...

– Пойти в тупик Клевцова?

– Да. Пахан, как он его называет, – старик. Тарасов молод, силен, ловок. Он считает, что легко справится.

– Я вас понял, Федор Степанович. Будет сделано.

– Вот и хорошо. Пойду пообедаю. Сюда не вернусь, буду у себя в номере. Получил из Москвы литературу. Пожалуйста, Женя, не тревожьте меня, разве что-нибудь очень важное.

В четыре часа утра меня разбудил резкий телефонный звонок. Звонил Лунев:

– Федор Степанович, пропал Тарасов!..

Со сна я не мог ничего сообразить. Помолчав, спросил:

– Откуда вам это известно?

– В три часа утра Цветаева пошла в милицию, узнала адрес Трапезникова – и к нему домой. Она рассказала, что в шесть часов вечера пошел обложной дождь. Вадим надел плащ и попросил: «Люба, сходи к Вешняковым и скажи, что в подъезде меня дожидается компания с выпивкой, чтобы они меня выпустили через свою квартиру на Невьянскую улицу». – «Зачем тебе это нужно?» – спросила она. Тарасов подвел ее к окну и показал на мужчину под козырьком дома напротив. «Видишь? – спросил. – Это глаз за мной». – «Куда ты пойдешь на ночь глядя?» – спросила она. «Я обязан помочь. Это мой долг. Пойду в Клевцов тупик, постучу, мне пахан сам откроет калитку!» Она его отговаривала, но Вадим стоял на своем. «Понимаешь, я им обязан! Они носятся со мной как с писаной торбой. Мужчина я или не мужчина!» С этими словами Тарасов ушел. Люба сама проводила его через квартиру Вешняковых и ждала спокойно до девяти. Потом начала волноваться. В первом часу ночи сходила в Клевцов тупик, Вадим ей рассказывал о нем. Тихо и страшно. В доме света нет. Тогда она бросилась в милицию, добилась Трапезникова...

– А как же его просмотрел наблюдавший в тупике Клевцова?

– Старшина Ратников наблюдал за домом Ежова из окна квартиры напротив. Увидев Тарасова, он бросился к телефону, а когда вернулся к окну, парня уже не было. Оперативная группа прибыла в Клевцов тупик через двенадцать минут, перелезли через ворота, но уже никого в доме не было. След от машины «Москвич» вел на противоположную улицу. Забор здесь был разобран, и на проезде четко отпечатались след от протектора задней покрышки.

Лунев замолчал, но я слышал его тяжелое дыхание. После паузы он сказал:

– Вот так, Федор Степанович.

– Сейчас же позвоните Трапезникову. Я свяжусь с начальником милиции. Надо срочно послать несколько оперативных групп обследовать весь район тупика Клевцова и прилегающих улиц. Через час, Лунев, встретимся у меня в кабинете.

После дождя

Накинув плащ, я вышел на улицу. У подъезда меня окликнул Вася Машков, приехавший на дежурной «Волге».

Шел дождь, осенний, холодный дождь. На дорогах в свете фар блестели опавшие листья. Было зябко и чертовски скверно на душе.

Мы сделали многое, чтобы сохранить Вадима. Охрана была выставлена, но он понял, что за ним наблюдают, и нашел способ уйти. Можно предположить самое худшее... Глупо оправдываться перед самим собой, все равно какая-то доля вины в исчезновении Тарасова есть и, как это ни горько, никуда от нее не денешься...

В кабинете меня уже ждал Лунев. На лице его можно было прочесть тревогу и озабоченность.

– Вы нашли вчера старшину милиции Валиева? – спросил я.

– Да, Федор Степанович, я застал его дома перед самым отъездом. Валиев получил отпуск и едет к родным жены в Бугульму.

– Рассказывайте.

– Описание двора и дома точно, как у Тарасова.

– Что старшина говорит о Ежове?

– Пройдоха и вор, но не пойманный.

– И это все?

– У Валиева все.

– Вижу, Женя, кое-что вы приберегли напоследок. Так?

– Так, Федор Степанович. От Валиева я пошел в отдел кадров Управления торгами, посмотрел личное дело Ежова. Вот что я выписал. – Он достал из планшета лист бумаги и протянул мне.

«Ежов Казимир Засимович, родился в Саратове, – читал я, – в 1911 году, в семье торгового служащего. Кончил коммерческое училище. В 1928 году поступил продавцом в магазин бывший Блантера. В 1937 году переехал в Свердловск, где вступил во владение жилой постройкой помершего тестя Мартина Львовича Буракова. В 1941 году призван в армию, участвовал в Великой Отечественной войне. В бою под Тихвином 27 ноября был контужен и в беспмятном состоянии попал в плен к врагу. Содержался в Кульмском лагере военнопленных. Освобожден нашими войсками в 1945 году. Находился в спецлагере на проверке. Вернулся в Свердловск в 1947 году и занялся торговым делом. В 1954 году поступил в мясной отдел продуктового магазина рядовым продавцом. В 1959 году за отличную и честную работу был выдвинут в заведующие. В 1961 году от простуды померла моя горячо любимая супруга Ефросиния Мартыновна».

– Стиль подлинника. Автобиография написана лично Ежовым. Почерк у него аккуратный, круглый, без крючков и росчерков. А вот его фотография. – Лунев поставил на стол снимок, прислонив его к графину с водой.

Это был грузный, крупный мужчина с грушеобразным лицом, маленьким узким лбом и массивной челюстью. Глубоко запавшие глаза-щелки, вислые усы, на подбородке родинка.

– Стало быть, у Ежова и Черноусова биографии сходятся на Тихвине 27 ноября 1941 года и на концентрационном лагере под Кульмом. Вы не знаете, полковник Шагалов послал вчера запрос на проверку Никона Черноусова?

– Полковник точен, как хронометр. Да он, наверное, в управлении. После вас я звонил ему...

– Зачем?

– Полковник приказал мне ставить его в известность...

– Вы считаете, что полковник у себя?

– Сейчас я посмотрю. – Лунев вышел и вскоре вернулся. – Владимир Иванович ждет вас.

Когда мы вошли в кабинет, Шагалов разговаривал по телефону с начальником милиции.

Положив трубку, здороваясь, он сказал:

– Оперативные группы будут продолжать поиски до семи часов. Пока ничего путного. Ежов не ночевал дома. Один из соседей вышел на стук, от него сотрудник узнал, что Ежов нередко проводит время у своей подружки. Зовут ее Магда, в том же магазине, где Ежов работает, она заведует бакалейной секцией. Что у вас, Федор Степанович?

– Вы направили запрос на Черноусова?

– Давеча, после вашего разговора с полковником Кашириным, сам написал и с грифом «весьма срочно» передал в экспедицию.

– Военная биография Черноусова как две капли воды схожа с биографией Ежова. Тот же плен под Тихвином, лагерь под Кульмом, освобождение и проверка.

– Запрос на проверку Ежова вместе с Черноусовым?

– Да, Владимир Иванович, пожалуйста. Вызвать Ежова надо только тогда, когда мы будем в тупике Клевцова...

– А почему не предупредить его с утра?

– Важно, чтобы он при нас открыл дверь и, ничего не меняя, вместе с нами вошел в комнату.

– Прошу вас дать распоряжение установить, что делал Петр Ивакин восьмого августа с семнадцати до двадцати трех.

– У него шаткое алиби... Я с ним беседовал. – Шагалов был явно огорчен. – Когда вы думаете ехать к живописцам?

– Меня выбило из колеи исчезновение Тарасова. Может быть, послезавтра.

Все время лил дождь. Серый, хмурый рассвет пришел незаметно из перечеркнутого косыми струями горизонта. Лунев я отправил на несколько часов поспать, а сам взял книгу, включил электрический камин, устроился в кресле и пытался читать, но строчки плыли перед глазами. Перемотав ролик звукозаписи, я включил воспроизведение и несколько раз прослушал Вадима Тарасова. Понимаю, что ему стоило признание. Главное, он сказал, – встреча с Любой. Ну да, конечно, для него главное. Да, пожалуй, и для нас... Если бы Вадим не встретил на своем пути эту женщину, вряд ли так круто повернулась бы его судьба. Как он сказал, «под уклон на полусогнутых». Образно и, пожалуй, верно. Конечно, я не могу быть ответственным за его поступок. И все же...

Вошел полковник Шагалов и как бы невзначай сказал:

– Пришел Ивакин. Я думаю, Федор Степанович, что поговорить с ним должны вы. Алиби у него липовое. Говорит, что был в мужской компании. Он не называет, с кем провел вечер, просит поверить на слово. Понимаете, я не могу, не имею права ему верить, но чувствую, что к делу он не причастен.

– Владимир Иванович, вы можете ответить мне честно на вопрос?

– Пожалуйста. – Он снял очки, сложил их и подошел к столу.

Впервые я увидел его глаза – глаза очень доброго человека, окруженные сетью мелких морщинок.

– Какое отношение вы имеете к Петру Ивакину? – спросил я.

– Петр женат на моей младшей сестре...

Теперь я все понял.

– Где Ивакин?

– У меня в кабинете.

– Попросите его зайти.

Шагалов быстро вышел из кабинета, и несколько минут спустя, постучав, вошел Ивакин. Человек лет сорока, с бородой, усами, пышной шевелюрой и в очках с металлической оправой. Он нерешительно остановился подле двери, опираясь на кизилковую трость.

Я пригласил его садиться.

– Петр Валерьянович, ответьте мне на один вопрос, но... Меня устроит только правда. Восьмого августа вы вернулись домой около двенадцати, с работы ушли в шестнадцать часов. Где вы были с семнадцати до двадцати трех?

– Для того чтобы вы меня поняли, я должен начать издалека, со студенческих лет, с первой женитьбы. – Он помолчал. – С Клавой мы жили хорошо, у нас родился мальчишка, назвали его Александром. Потом... я подолгу отсутствовал, уезжал с геологической партией. Однажды, когда я вернулся, Клава рассказала мне... Словом, мы разошлись... Но к Саше я ходил часто, к нему у меня сохранилась глубокая привязанность. Два года назад я женился. Света моложе меня на восемнадцать лет. Как всякая молодая женщина, она несколько эгоистична. В этом году Александр получил осеннюю переэкзаменовку по математике. Восьмого я пришел к нему в пять часов, и мы работали с ним до одиннадцати. Сказать об этом Свете я не могу, она болезненно ревнует меня к прошлому. Вот истинная правда.

– Все, что вы говорите, может подтвердить мать Саши, домашние?

– Да, конечно. Я могу идти?

– Да. Скажите, сын сдал переэкзаменовку?

– Получил четверку.

– Поздравляю. – Я проводил Ивакина до двери.

Весь день прошел в изучении литературы, присланной Кашириным, а утром, придя в управление, я уже застал в кабинете Лунева.

– Федор Степанович, – сказал он, – у подъезда в машине вас ожидают архитектор Кержавин и участковый милиционер. Надо ехать в тупик Клевцова.

– Хорошо. Евгений Корнеевич, предупредите полковника, чтобы... – Я посмотрел на часы: – Сейчас девять пятнадцать... чтобы Ежова вызвали к десяти часам. Дождь идет?

– Шел всю ночь, но сейчас перестал, не знаю, надолго ли...

Я спустился вниз. Небо, затянутое серыми облаками, было по-осеннему угрюмо.

Клевцов тупик оказался не близко.

Сперва мы постучались в дом № 5, представились хозяевам, двум старым пенсионерам. Обмерили двор рулеткой, заглянули в сарай, в дом. Сказали доброе людям, извинились, что потревожили их, и как раз успели к десяти часам. Вышли из ворот, провожаемые хозяевами, и увидели Ежова. Он шел быстро, запыхался, но все же спросил:

– Что за спех, дорогие товарищи?

Архитектор Кержавин объяснил ему, мне кажется, достаточно убедительно. Хозяин достал из кармана ключ, открыл калитку и пригласил зайти.

Злобно рыча, пес бросился к нам на длину цепи.

Ежов подошел к собаке и ударил ее ногой. Пес взвизгнул и залез в будку.

– За что вы его так? – спросил я.

– Пусть знает свое место!

– Жестоко и несправедливо!

Ежов принимал деятельное участие, помогал обмерять двор и постройки, держа за кольцо мерительную ленту.

Бросался в глаза чисто подметенный двор, очевидно, недавно. За крыльцом куча мусора и метла. На заднем дворе слабо просматривается след автомашины, колея «Москвича». След протекторов вел на параллельную улицу.

В это время Кержавин, обмеряя с хозяином фасад, хвалил добросовестность сооружения. Ежов понимающе поддакивал, стараясь угодить, влез на перила крыльца и потянулся с рулеткой к карнизу.

Я нанес в блокнот чертеж дома, затем попросил открыть сарай, заглянул – поленица березовых дров, старая рухлядь, кресло с выпирающими пружинами... Обошел крыльцо, меня заинтересовала мусорная куча. Хозяин вчера не заходил домой, а двор чисто выметен... И этот след от протекторов... Машина шла по двору во время дождя, следовательно, это было после шести часов. В куче мусора щепки, возле сарая кололи дрова, очистки огурцов и яблок, палые листья березы, ветки, несколько пустых банок из-под консервов, обертки сигарет, какой-то лоскут многоцветья... Пользуясь тем, что Ежов завернул за угол дома, я ногой раскидал мусор... Это оказался клочок от платка с радугой и белым парусом – платок Тарасова!

Ежов пошарил рукой за наличником, достал согнутую и расплюсченную на конце проволоку, вставил ее в отверстие и отбросил задвижку.

Комната описана Тарасовым точно – свадебные портреты Казимира и Ефросиньи.

Я вышел на кухню и спросил Ежова:

– У вас погреб есть?

– Как же, родители строили для себя.

– Товарищ Кержавин, посмотрите из погреба фундамент, – сказал я архитектору.

Ежов приподнял творило и зажег в погребе электрический свет, Кержавин спустился вниз.

– А куда ведет эта дверь? – спросил я Ежова.

– Комната покойной жены Ефросиний Мартыновны. Все осталось как при ней, священная реликвия. Пять лет не заходил и даже ключ не знаю где.

По словам Тарасова, в ночь, проведенную им здесь, пахан не выходил из дома. Очевидно, это его комната.

Из подвала вылез Кержавин и, похвалив фундамент, мимоходом сказал:

– У вас большое хозяйство.

– Были грузди своего посола – кончились. Есть капуста, огурцы. Может быть, товарищи, погода сырая, сообразим по сто граммов, под огурчики...

– Благодарим, но мы на работе, – отказался я. – Что же вы, товарищ Ежов, так скучно живете? Один как перст... – сочувственно сказал я.

– Мне пятьдесят пять. Брать молодую – в дураках можно остаться. Брать старуху... Нет, дорогой товарищ, живем для дел, приносим пользу, и то ладно...

Это было так неискренне, так фальшиво, что я невольно улыбнулся. Ежов понял, что переборщил, и, лихо подкрутив усы, добавил:

– К тому же не перевелись на свете добрые женщины!..

Мы вышли из дома, Ежов проводил до машины. Кержавин поблагодарил хозяина, и мы поехали. Как только машина свернула из тупика на улицу, архитектор сказал:

– Если я вас правильно понял, Федор Степанович, вы поручили мне посмотреть в погребе пол и, если он земляной, обнаружить следы, оставленные лопатой. Пол выложен кирпичом на растворе и зацементирован. Никаких следов свежей кирпичной кладки.

– Спасибо, Иван Васильевич, вы действовали со знанием дела. Большое спасибо.

Шагалов ждал меня.

– Думаю, то, что я вам расскажу, соответствует истине, хотя и требует дополнительной проверки, – начал я. – В шесть часов Тарасов ушел от Любы в тупик Клевцова. Около семи часов он постучал в калитку. По-моему, старик снимает жилье у Ежова. Комната, в которую ведет вторая дверь из кухни. В те дни, когда он пользуется комнатой, Ежов с работы не приходит и не ночует дома. Старик услышал стук, посмотрел в щелку и, узнав Тарасова, открыл калитку. Какой между ними произошел разговор, я не знаю, но старик понял, что Тарасов

все рассказал об их встрече на вокзальной площади. Старик убивает Тарасова, волочит тело в машину и укрывает парусиной, из которой сделаны чехлы на сиденье. – После этого забирает из своей комнаты все, что может служить против него уликой. Тщательно подметает двор, сглаживает отпечатки протекторов, следы борьбы, волочения, и вот здесь он обнаруживает втоптаный в грязь платок, принадлежащий Тарасову. Он пытается его сжечь, но сырой платок горит плохо. Опасаясь, что за Тарасовым кто-нибудь придет, он торопится, замечает недогоревший платок в кучу мусора и выезжает из дома через разобранный забор на смежную улицу, а оттуда по шоссе в лес, где прячет в кустах труп. К Ежову старик больше не придет, хотя и встретится с ним в магазине или другом месте.

– Надо изолировать Ежова и произвести обыск, – сказал Шагалов.

– Пока непосредственно против Ежова улик мало, и прокурор не даст санкции на арест. Кроме того, наблюдение за Ежовым может вывести нас на старика.

– Пахан или старик? Вы называете его по-разному.

– По тем скудным сведениям, которыми мы располагаем, – это старик. Тарасов называл его паханом, что значит «отец». А когда я строил версию расследования, то условно называл его «Маклером».

– Давайте остановимся на одном, пусть будет «Маклером». Вы рассказали правдоподобную историю убийства Тарасова и последующие действия «Маклера», но это ни на шаг не приблизило нас к его раскрытию. Почти неделю мы ведем наблюдение за Авдеевым, пока впустую. Приехал капитан Гаев – опознание ничего не дало... Продавщица из пивного ларька и женщина со станции Зеленая Падь никого не опознали.

– Где капитан Гаев? – спросил я.

– Он уехал в гостиницу, а Лунев у вас в кабинете.

– Завтра я поеду к живописцам...

– Вы достаточно подготовлены?

– Впереди еще ночь. Хорошо, Владимир Иванович, мы все оговорим позже.

Лунев слушал звукозапись Тарасова. Я молча поздоровался и, чтобы не мешать ему, взял рапорт по наблюдению за Авдеевым, просмотрел – ничего нового.

Я отпустил Лунева, а сам поехал к Любе.

Прояснилось небо. На солнце сверкали капли, падающие с крыш и деревьев. Машины поднимали веера брызг. Босые мальчишки, задрав штаны, бежали по обочинам навстречу бурным потокам. Словом, город выполз из ненастья и засверкал свежими красками. Только у меня по-прежнему на душе было скверно. Ехал я с каким-то дурным предчувствием. Лунев сказал, что на завод Цветаева не пошла, а Маришка в яслях.

Я застал Любу за работой, она гладила мужские брюки, была молчалива и сосредоточенна. Когда я вошел и поздоровался, она бросила на меня вопросительный взгляд и снова взялась за утюг. Впервые я видел ее с распущенными волосами, такую домашнюю, простую.

Она послунила палец, попробовала, видимо, остывший утюг, вышла на кухню и вскоре вернулась. Скрестив руки на груди, Люба долго смотрела в окно и сказала как-то отсутствующе:

– Глажу Вадиму брюки, чтобы было в чем хоронить... – Затем резко повернулась ко мне: – Вы зачем пришли?

– Понимаю, что вам горько, но...

– Не нужно мне ваше сочувствие! Если бы не вы, Вадька жил бы!.. Был бы отцом Маришки! – Она опустила на стул, положила голову на руки и разрыдалась.

– Люба, я пришел к вам по делу...

– Говорите. – Длинные пряди ее волос упали на лоб, но глаза были закрыты, и на сомкнутых ресницах дрожали слезы.

– В верхнем кармане Вадима был платок...

– Я сказала ему: «Дарить платок – к несчастью», а он: «Я не верю в приметы! Подари. Он нравится мне, точно первая радуга...»

– Вчера, когда он ушел из дома, платок был, как всегда, в тужурке?

– Вадим никогда не расставался с платком.

Я поднялся и уже в дверях сказал:

– Не могу, не имею права вас успокаивать. Держите себя в руках, у вас дочь, и вы ей нужны.

После Цветаевой я поехал в управление к Шагалову. Новое задание Гаеву и Луневу: проверить знакомую Ежова – Магду. Затем начать поиск черного «Москвича».

После обеда я занялся литературой, присланной мне Кашириным.

Мой отъезд был назначен на завтра в четырнадцать часов. Теперь Черноусов интересовал меня по-настоящему, к нему вело не только заключение экспертизы по жировому пятну на конверте, к нему тянулась ниточка немецкой биографии Ежова.

На следующий день я только справился у полковника по телефону о ходе дела. Не было ничего нового. Поглощенный книгой, я услышал телефонный звонок, когда он прозвучал в третий раз. Снял трубку и сразу узнал хриплый басок художника Осолодкина.

– Федор Степанович?

– Я, Касьян Касьянович!

– Простите, что отрываю от дела. Приперли обстоятельства.

– Готов служить, Касьян Касьянович.

– Срочно нуждаюсь в вашей консультации. Я вам помогал – платите должок. Берите машину и срочно ко мне! – Старик повесил трубку.

Зачем я понадобился Осолодкину?

Но все же я позвонил в управление и вызвал машину.

Когда мы подъехали к дому Осолодкина, хозяин стоял под ротондой. Вид у него был взволнованный. Он обрадовался моему приезду, сел в машину и дал водителю адрес, сказав:

– Сейчас все объясню. Вот какие дела, Федор Степанович. Я думал, все-то я знаю, во всяком деле собаку съел, да вот хвостом подавился. Ну, слушайте: люблю я писать лес после дождя. Погода хорошая с утра. Взял я этюдник, складной стул, поехал автобусом в Дачное. Там три километра по шоссе мачтовый лес. Свернул с шоссе, облюбывал полянку, поросшую молодняком. Присел. Стал разбирать этюдник, вижу, чьи-то ноги торчат из куста. Все-таки, думаю, сыро для отдыха. Подошел... Паренек лет двадцати пяти... Глаза открыты, и в них, жужжа, суетятся мухи... Что делать? Промолчать? Совесть не позволяет, а по милициям таскаться – силенки не те. Решил позвонить вам...

Левый борт куртки распахнут, и на рубашке у сердца большое пятно крови...

Лесом Осолодкин шел впереди, и я с трудом за ним поспевал. Вот и поляна, поросшая молодым ельником.

Это был Вадим Тарасов.

Левый борт куртки распахнут, и на рубашке у сердца большое пятно крови...

Всех скорбящих

В оперативной группе криминалистов – судебно-медицинской эксперт Жуков, худой, аскетического вида человек с руками Паганини.

К машине, где я сидел в нетерпеливом ожидании, он подошел, держа на весу руки, согнутые в локтях, растопырив пальцы, и сказал отрывисто, резко:

– Дайте папиросу!

– Я не курю, Иван Матвеевич.

– Тогда достаньте у меня в левом кармане. – Он повернулся ко мне боком.

Я вынул из пачки «гвоздик», сунул Жукову в рот и, достав из другого кармана коробок, зажег спичку.

Он несколько раз пыхнул дымком, выплюнул папиросу и сказал:

– Удар тяжелым предметом в затылочную часть черепа, затем прокол...

– Шляпной булавкой, – вставил я.

– Длинным, узким колющим предметом! – педантично поправил он. – Конечно, это первое впечатление. Заключение экспертизы вы получите после вскрытия тела. Но я редко ошибаюсь, к тому же у нас есть печальный опыт... – произнес он многозначительно и пошел к своей машине, где у него оставался саквояж.

Почему мне так знакомо это единство метода преступления, гирька на сыромятном ремне и шляпная булавка? Гирька... Булавка... Предаваясь мучительным размышлениям, я перебрал в своей памяти все, что было знакомо за двадцать пять лет службы. Нет. Не было у меня такого за всю жизнь, и все же чертовски знакомо! Гирька и шляпная булавка! Почему, собственно, шляпная булавка, откуда я это взял? Иван Матвеевич очень осторожно говорит об оружии убийства – длинный, узкий колющий предмет. Почему мне приходит на ум дамская шляпная булавка?

– Ш-ш-шляпная... – Я произнес вслух, пришепetyвая, как говорил, читая нам лекции, Георгий Михайлович Поминов, полковник в отставке, старый специалист по криминалистике.

Он читал нам в сорок четвертом лекции на сборах. А может быть, это ощущение знакомства и идет от полковника Поминова? «Нельзя установить разумное зерно истины при расследовании преступления, не зная метода, которым пользовался убийца. Каждый профессиональный преступник пользуется одним и тем же методом. История утверждает удивительную одинаковость способов преступления». Опираясь на теоретические высказывания крупного немецкого криминалиста Роберта Гейндля, он приводил примеры убийств, совершенных матросом Ост-Индийской компании в Лондоне и почти через столетие в Берлине. «Каждый преступник неизменно возвращается к избранному им способу убийства». Помнится, что Поминов коснулся и более близкого случая: в сорок втором году высадившийся с подводной лодки на побережье Америки гитлеровский агент убил полисмана; это была гирька на сыромятном ремешке и шляпная булавка. Именно она, эта шляпная булавка, фигурировала как вещественное доказательство в Федеральном суде, когда агент был схвачен после второго тождественного преступления. Агента приговорили к тридцати годам каторжных работ. Невольно возникает вопрос: если это он, то как спустя столько лет преступник мог оказаться в нашей стране? Помню, полковник Поминов читал нам выдержки из американских газет...

Мои размышления прервал капитан Трапезников. Он подошел к машине, рассматривая деревянные плашки.

– Вот, Федор Степанович, почти единственный след, оставленный преступником...

– Что это?

– Срезанные ножом торцы веток для маскировки убитого. Видите, какой срез? На ноже были зазубрины, они ясно видны невооруженным глазом.

– Вы сказали «почти»?

– Я имел в виду след протектора. Баллоны повышенной проходимости.

– Странно. Такой «Москвич» есть на учете?

– Нет. Номер фальшивый. Помните, Тарасов об этом рассказывал. Федор Степанович, поедете со мной или дождетесь бригады?

– Вы отправляетесь сейчас?

– Мне нужно срочно в управление.

– Я дождусь бригады...

В управлении я поручил Гаеву немедленно связаться по телефону с полковником Кашириным. Необходимо в библиотеке иностранной литературы поднять подшивки американских газет за сорок третий год; надо найти репортаж из зала Федерального суда по делу гитлеровского агента, обвиняемого в шпионаже, диверсии и убийстве.

Когда я зашел к полковнику Шагалову, чтобы проститься, он сказал:

– Федор Степанович, с вами поедет Лунев. Он будет в поселке Поворотном. От Всех Скорбящих это час ходьбы. Поселок по левую сторону шоссе, спросите дом Стромынского.

– Дом Стромынского... – повторил я.

– Ну, желаю удачи!

Мы пожали друг другу руки, и я вышел из кабинета.

Лунев где-то добыл мне выдавший виды черный портфель, в который я напихал предметы туалета, смену белья, несколько книжек, рулетку, блокнот-миллиметровку и пенальчик с остро заточенными карандашами. Я тщательно проверил содержимое карманов, все чекистские документы запер в сейф. Взяв в руки плащ на теплой подкладке, портфель, критически осмотрев себя в зеркало, я остался доволен.

Не доезжая гостиницы, мы с Луневым выбрались из машины и подошли к подъезду, где меня уже дождалась «Волга».

– Никитин, – назвал я себя водителю. – А как вас величают?

– Ваню Трушин! – сказал он и улыбнулся. – Поехали?

– Поехали. Маршрут знаете?

– Знаю.

Я махнул Луневу рукой. Он поймал летящее перо голубя, показал мне его и сделал отрицательный жест. Надо полагать, это значило: ни пуха ни пера!

– Небось думаете: как это – Ваню и Трушин? – спросил водитель, переключая скорость, и сам ответил: – Я всю войну прошел с Серго Киладзе. Вместе в госпитале лежали, вместе в часть возвращались, из одного котелка щи хлебали, одной шинелькой укрывались – словом, побратимы! Я был Иван – стал Ваню, он – Сережка. У нас так и в паспорте записано.

– Теперь встречаетесь?

– А как же! Он живет в Махарадзе, я у него этим летом гостил. Серега у меня – прошлым.

– Сколько километров до церкви?

– Около восьмидесяти. А в Невьянске вы были?

– Нет.

– Поглядите сторожевую башню Демидова. Говорят, в Италии есть падающая колокольня...

– В Пизе.

– Так в Невьянске тоже падающая. Демидов здесь всем владел: землей, заводами, людьми... Слышал я, один ученый человек рассказывал, после подавления восстания на заводах Порфирий Демидов заложил эту церковь Всех Скорбящих. Три года ее строили...

«Некстати общительный водитель», – подумал я и, привалившись к спинке, закрыл глаза. Трушин замолчал.

Медленно, тихо ко мне подкрадывалась дремота, то знакомое состояние, когда все, что случилось за день, поднимается, встает в нескончаемый ряд и проходит, словно на смотре, мимо...

Трушин останавливался, обходил машину, постукивая ногой скаты. Где-то водитель пил прямо из кринки молоко. И снова мы мчались по шоссе.

– Проезжаем Верхнюю Пишму!

Я приоткрыл веки и снова сомкнул, но дремота меня покинула. Пришло размышление о церкви, о Черноусове, Юколове, Яковлишине – председателе церковной общины. Как-то они меня примут? Яковлишин был заинтересован в том, чтобы научно-методический совет взял церковь под свою охрану как памятник культуры восемнадцатого века. По собранным мною материалам церковь Всех Скорбящих не представляла собой исторической ценности ни по архитектуре, ни по внутренней росписи. В Свердловске не было специальной научно-реставрационной производственной мастерской, ближайшая находилась в Перми при Управлении культуры. Яковлишин производил реконструкцию церкви хозяйственным способом, а для восстановления икон и фресок нанял шабашников Черноусова и Юколова. Он, конечно, будет заискивать и попытается вызвать у меня доверие.

– Проезжаем Кедровое.

Теперь было недалеко.

– Кажется, вздремнул, – сказал я, – намотался за день...

– Понятно, командировка. Бываешь в Москве проездом, так за несколько часов уходишь ноги! – поддержал меня Трушин.

С полчаса мы ехали молча, затем, указывая влево, водитель сказал:

– Поселок Поворотный! А вот там голубая полоска – озеро Аятское. Сейчас повернем.

Шоссе у обочины расступилось, и мы оказались на узкой дороге, крытой булыжником, обсаженной по краям березой. Где-то впереди, среди зелени, поблескивала золотом церковная луковка с крестом. Но вот мы выехали на прямой участок, и перед нами открылся невысокий холм, сосны и церковь.

Я попросил Трушина затормозить и с интересом рассматривал открывшееся моим глазам сооружение.

К кубическому массиву церкви с северной и южной сторон примыкали приделы. В центре барабан, в нем оконные проемы, украшенные кокошниками. Венчал все сооружение золоченый купол. Под самой крышей фасад обегал аркатурный фриз в виде глухих арок. Над входным притвором трехъярусная звонница с колоколами. Колоколенку завершала золоченая луковица. Два яруса стрельчатых узких окон с наличниками. Возле ступенек паперти подклет, вывороченные груды земли и несколько малых котлов водяного отопления. Церковь красиво обрамляли высокие, столетние сосны. В стороне слева просматривались крыши домов...

– Что это?

– Слободка, – ответил Трушин.

– Давайте, Трушин, поближе.

Мы подъехали к паперти. Из двери вышел бородатый мужчина в синем халате и веснушчатый толстый мальчонка с чайником. Прямо с паперти он слил бородачу, тот вымыл руки, но, заметив нас, пошел навстречу.

– Инспектор Никитин? – спросил он.

– Совершенно верно. – Я поклонился.

– Художник Черноусов, – представился тот. – Извините, руки мокрые. А ну, Мишка, слетай к отцу, скажи, приехал из Москвы инспектор.

Поставив на ступеньку чайник, малец быстро побежал вниз, к слободке.

– Вы что, ждали меня? – удивился я.

– К нам приезжали из отдела культуры, предупреждали о вашем приезде. Заходите в храм, дорогой гость!

Простившись с Трушиным, я шагнул за художником в притвор, идущий в глубину уступами.

Не входя в церковь, Черноусов прижал меня к стенке и, горячо дыша луковым духом, зашептал:

– Тут у нас работает ваш московский студент, за длинным рублем погнался! Нахал! Стрекулист! Он расписывает главный плафон купола. Голову Христа залепил бумагой. Говорит, незаконченную работу не показывает. Смех! Так вы на него не обращайте внимания.

Мы вошли в церковь. На более – возвышении пола у алтаря – сидел за мольбертом Юколов. Косой луч предвечернего солнца падал на икону апостола, которую он прописывал. Художник при виде меня встал, поклонился.

– Донат Захарович Юколов! – представил его Черноусов.

Посередине церкви возвышались леса, они пронизывали свод, барабан и подходили к куполу, на котором был изображен Христос, летящий по небу. Лицо действительно залеплено бумагой. С лесов свесился бородатый юнец и приветственно махнул рукой. Я ответил ему и перешел поближе к фрескам, написанным тусклой, невыразительной кистью ремесленника, к тому же не владеющего техникой фресковой живописи. На одной стороне было изображено исцеление апостолом Петром калеки, просящего подавание у Красных дверей храма. На другой – ангел отворяет двери темницы, освобождая апостолов. Я знал эти легенды, их воплощение было из рук вон скверным.

– Фрески – это моя специальность! – говорил за моей спиной, горячо дыша мне в затылок, Черноусов. – Весь я тут!

Верхний ярус иконостаса уже закончен. Шесть икон апостолов стояли на тягле. Сразу можно было узнать три из них – работы Черноусова и три – юколовского письма, очень тонкого, выразительного и самобытного. Все шесть были покрыты лаком. Я притронулся к поверхности, она показалась мне зеркально ровной, удивительно чистой.

– Как вы этого достигаете? – спросил я Юколова.

– Это Никон Фадеевич, – смущаясь, сказал художник. – Секрет лака. Теперь такого и в помине нет.

В церковь вбежал толстый, коротенький человек в сопровождении веснушчатого мальчугана.

– Очень приятно, товарищ Никитин! Очень приятно видеть вас в наших краях! Разрешите представиться, председатель церковной общины Бронислав Хрисанфович Яковлишин.

Насколько художники бородаты, настолько Яковлишин был лишен всякой растительности. Лицо в склеротических прожилках на носу и щеках. Глаза же совсем не отражали его светливой подвижности, они были сосредоточенны и внимательны.

– Никитин Федор Степанович. С художниками я уже знаком. Устанавливаете водяное отопление? – спросил я, взглянув на батареи по цоколю стены, крытому мозаикой из кусочков смальты.

– В храме было печное отопление. Устанавливаем водяное; трудности с котлами, не входят в подклет, приходится разбирать кладку. Федор Степанович, у нас сейчас обеденный перерыв. Прошу к моему шалашу. Я тут неподалеку на слободке.

«С позиции инспектора – ни в коем случае! Но где еще я сумею завязать добрые отношения с этими бородачами?» – подумал я и согласился.

Мы все четверо вышли из церкви.

– А как же этот художник? – Я указал на купол.

– Ковалихин с нами не ходок, – сказал Черноусов. – Очень дерзкий мальчишка! Вот с Донатом Захаровичем в контрах. – Художник указал на Юколова. – Он обедает на лесах.

Курочку или мясо пожует и запьет квасом. Дело молодое. Живет в Поворотном, ему хозяйка готовит.

«Шалаш» Яковлишина оказался емким – большая столовая, дубовый резной буфет, стулья в полотняных чехлах, прямоугольный стол, уставленный соленьями и копчением. В центре на стене висел поясной портрет свердловского епископа Флавиана и поменьше фотография священника, дьякона, групповой снимок церковного совета с прихожанами. Хорошо сфотографирована церковь Всех Скорбящих и вековые сосны.

Мы сели за стол. Женщин не было. Хозяин сам разлил по рюмкам «Столичную».

– Мне нельзя, – прикрыл я ладонью рюмку.

– Ну одну?

– Ни капли.

– Неволить не буду. Тогда кваску домашнего.

– Квасу с удовольствием.

Чокнулись, подняли в мою честь рюмки, выпили. Я обратил внимание на руки Черноусова: в заусеницах, с ломаными ногтями и въевшейся краской, особенно выделялся сурик.

– Отчего вы, Никон Фадеевич, не бережете руки? – спросил я.

– А как их убережешь?

– В перчатках можно работать...

– Что вы, разве можно в перчатках! Да и на мои руки где их взять? – Он положил на стол кисть крупной волосатой руки. – Вот Донату Захаровичу перчатки в самый раз. А я и зимой хожу в рукавицах.

– Никон руки портит машиной, – вставил хозяин.

– Водите машину? – поинтересовался я.

– Вон стоит во дворе «Москвич», – охотно ответил Черноусов.

За столом зашла речь о живописи.

– Если по секрету, – разоткровенничался я, – занимаюсь и я живописью. Очень заинтересован, Никон Фадеевич, вашим лаком.

– Охотно поделюсь, – сказал Черноусов. – А что вы пишете?

– Пейзажи Подмосковья.

– Надо вам поглядеть работы Доната Захаровича. Большой мастер!

– Если вы разрешите...

– Завтра воскресенье, с утра уйду на этюды, а часов в двенадцать – пожалуйста, – без особого желания ответил Юколов. – Живу я на Слободке у Марфы. Спросите, каждый покажет.

По дому слышались женские голоса, суетня. Где-то в двери мелькнул Мишкин веснушчатый нос.

Дородная женщина внесла на вытянутых руках большую миску со щами, бросила любопытный взгляд в мою сторону и ушла.

Видимо, Яковлишин возлагал большие надежды на «Столичную», а я спутал ему карты.

– Вот закончим иконостас с Донатом Захаровичем и махну на недельку в Москву, – шумно прихлебывая щи, сказал Черноусов. – Кто там у вас памятниками занимается?

«С запозданием, но все-таки проверка началась», – подумал я и ответил:

– Научно-методический совет по охране памятников культуры.

– Где совет помещается? – вступил в разговор хозяин.

– На набережной, в бывшей церкви Николы на Берсеневке. Рядом еще палаты дьяка Аверкия Кириллова.

– А как там, не собираются дать команду здешнему начальству взять под охрану Всех Скорбящих? Все-таки восемнадцатый век!

– Вернусь в Москву, доложу, посоветуемся, – сказал я нечто загадочное.

Яковлишин сделал вид, что понял и такой ход дела уважает.

- Так оно, конечно, с кондачка такое дело не решишь.
- Скучно здесь у вас? – задал я ничего не значащий вопрос.
- Почему скучно? Радио слушаем, у некоторых телевизоры есть. Иной раз в картишки перебросимся. Вы преферанс не уважаете? – спросил Черноусов.
- И вы радио слушаете? – улыбаясь, я обратился к Юколову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.